

**Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»**

ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

**Актуальные проблемы германистики,
романистики и русистики**

Часть I

МАТЕРИАЛЫ
ежегодной международной научной конференции
2 февраля 2018 года
г. Екатеринбург, Россия

Екатеринбург 2018

УДК 81
ББК Ш 12/18
А43

Под редакцией:
Доктора педагогических наук, профессора
Н.Н. Сергеевой

Научный редактор:
Кандидат педагогических наук, доцент
Е.Е. Горшкова

А43 **Актуальные** проблемы германистики, романистики и русистики [Текст] : материалы ежегодной международной конференции. Екатеринбург, 2 февраля 2018 г. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург : [б. и.], 2018. – Ч. I. – 114 с.

ISSN 2411-4626

Сборник включает доклады участников конференции «Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики», организованной кафедрой профессионально-ориентированного языкового образования ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» 2 февраля 2018 г.

Для студентов, аспирантов и преподавателей филологических и лингвистических специальностей высших учебных заведений.

УДК 81
ББК Ш 12/18

ISSN 2411-4626

© Институт иностранных языков, 2018
© ФГБОУ ВО «УрГПУ», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Сопоставительная лингвистика, терминология, фразеология и исследования в области языковых систем

<i>Дондик Л.Ю., Кузьминых И.С.</i> Прагматический аспект художественного перевода.....	5
<i>Василенко А.П.</i> Компонет <i>сердце</i> во фразеологизмах английского и французского языков.....	12
<i>Виноградов Д.В.</i> Проблема идентификации профессиональной лексики в отечественной лингвистике.....	16
<i>Калинин С.С.</i> О некоторых лингвофилософских проблемах теории машинного перевода и возможных путях их решения.....	22
<i>Лукин О.В.</i> Теория частей речи в трудах Ф.Я. Шмиттеннера.....	28
<i>Митина Г.В.</i> К вопросу о семантической дифференциации сложноподчиненных временных предложений (на материале русского и английского языков).....	34
<i>Соколова А.Ю.</i> Влияние экстралингвистических факторов на развитие языка (на примере изменения языковой ситуации в Англии в X-XV вв.).....	41
<i>Федуленкова Т.Н.</i> Синонимия пословиц как их прагматико-стилистический потенциал (на материале современного английского языка).....	45
<i>Ханнанова Д.М.</i> Семантика модальных связей (на материале немецкого языка).....	52
<i>Шкрабо О.Н.</i> Особенности перевода фармацевтической терминологии.....	56

Литературоведение и интерпретация текста

<i>Бугакова Н.Б.</i> «Чистый понедельник» И.А. Бунина: особенности функционирования религиозной лексики.....	62
<i>Волкова Е.В.</i> Актуализация концепта Англия в поэтическом дискурсе М.И. Цветаевой.....	69

<i>Гладышева Н.А.</i> Стратегии перевода антропонимов в фантастическом тексте (на примере серии книг ДЖ.Ролинг «Гарри Поттер»).....	75
<i>Клюева А.Н.</i> Зрительное восприятие в языке Джона Апдайка (на материале сборника рассказов «The early stories: 1953-1975»).....	83
<i>Сидорова О.Г., Лазухина Л.В.</i> Анализ междометий в пьесе У. Шекспира «Отелло» и ее переводе на русский язык.....	88
<i>Уланович О.И., Змитракович С.В.</i> Семантические и эстетические границы юмора в парадигме комического.....	96
<i>Чеклецова Е.И.</i> Стилистические приемы, используемые в речи больных депрессией персонажей некоторых художественных произведений.....	104

**Сопоставительная лингвистика, терминология,
фразеология и исследования в области языковых систем**

УДК 81'255.2

Дондик Л. Ю., Кузьминых И. С.

Нижний Тагил, Россия

**ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ПЕРЕВОДА**

Аннотация. Статья посвящена обсуждению вопросов, связанных с изучением прагматического аспекта художественного перевода как особого вида переводческой деятельности и объекта сопоставительного анализа. В ней рассматриваются понятия оценки качества художественного перевода и коммуникативно-прагматической функции переводного текста. Проводится анализ трудностей, в процессе художественного перевода и стратегий их преодоления.

Ключевые слова: художественный перевод, переводческие решения, стратегии перевода, качество перевода.

Сведения об авторах: Дондик Людмила Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков; Кузьминых Ирина Сергеевна, магистрант 2 курса.

Место работы: Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (ф) ФГАУ ВПО «РГППУ», Нижний Тагил.

Контактная информация: 622031, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 57, тел. 25 57 22.
e-mail: dondik2006@yandex.ru

Код ВАК 10.02.20

Dondik L. Y., Kuzminykh I. S.

Nizhny Tagil, Russia

**PRAGMATIC ASPECT OF
LITERARY TRANSLATION**

Abstract. The article is devoted to the discussion of the problems of pragmatic aspect of literary translation as a specific variety of translation activities and an object of comparative analysis. It also analyzes the concepts of literary translation quality assessment, communicative and pragmatic function of literary translation. The difficulties in literary translation and the global strategies of overcoming these difficulties are considered.

Keywords: literary translation, translation solutions, translation strategies, translation quality.

About the Authors: Dondik Liudmila Yurievna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Foreign Languages; Kuzminykh Irina Sergeevna, second year's postgraduate.

Place of employment: Nizhny Tagil state social pedagogical Institute, branch of the Russian state vocational pedagogical University, Nizhny Tagil.

Проблемы перевода текстов художественных произведений исследуются в рамках особой лингвистической науки – теории художественного перевода. Говоря об общих тенденциях современной теории художественного перевода, следует отметить, прежде всего, приверженность сегодняшних исследователей к использованию метода сопоставительного анализа оригинального художественного текста и вариантов его перевода, а также сдвиг ориентации с оригинала художественного произведения на текст перевода, на его прагматический аспект. Наряду с проблемой адаптации текста при художественном переводе, остро стоит вопрос о том, что коммуникативно-прагматический анализ текста художественного перевода в сопоставлении с оригиналом несовершенен ввиду скудности разработанного инструментария.

Вслед за Л. Л. Нелюбиным в рамках настоящей статьи художественный текст рассматривается как отдельное, в высшей степени индивидуальное произведение художественной речи, являющееся целостной единицей [Нелюбин 2003: 246]. Специфика художественного перевода состоит в том, чтоб не только доносить до читателей прямой смысл текста, но и передавать художественные образы, общую атмосферу, характеристики персонажей.

Особые трудности, связанные с переводом именно текстов художественной направленности, обусловлены следующими особенностями текстов данного типа дискурса:

- описание действительности представлено образами;
- текст сам по себе формирует у читателя определенное отношение к художественному замыслу произведения;
- высокой должна оставаться степень активности читателя, призываемого «домысливать» за автором;
- наличие авторской позиции.

По отношению ко всем этим особенностям, характерным для художественного произведения, выявляется индивидуальная манера писателя, сохранение и передача которой являются важными для переводчика задачами. Однако эти задачи трудновыполнимы, поскольку любой перевод неизбежно ведет к замене тех или иных выразительных средств другими, принятыми в литературной традиции языка перевода, а выбор

варианта перевода имеет субъективный характер, ориентированный на личность переводчика.

Следовательно, возникает противоречие: с одной стороны, чтобы осуществлять художественный перевод, переводчик сам должен обладать литературным талантом, - по сути, быть писателем. С другой стороны, чтобы быть писателем, нужно иметь свое видение мира, свой стиль и манеру письма, которые могут отличаться от авторских. Таким образом, в процессе художественного перевода происходит столкновение двух творческих личностей, предполагающее либо сотрудничество, либо конфликт. Для того чтобы оно стало сотрудничеством, переводчик должен вжиться в авторскую эстетику, в его образ мыслей и способ их выражения. Помимо этого для полноценного перевода требуется глубокое знание всего творчества автора и всех обстоятельств создания переводимого произведения.

Нельзя отрицать многофункциональность художественного текста, поскольку, помимо эстетической функции, он имеет коммуникативно-прагматическое назначение.

Именно учет коммуникативно-прагматической функции речевого произведения имеет большое значение при художественном переводе. Прочитав художественное произведение в переводе, читатель должен явно почувствовать силу литературного таланта автора оригинала. Если переводчику удалось этого добиться, можно говорить об адекватном воспроизведении коммуникативного эффекта оригинального текста. В связи с этим художественный перевод может быть приравнен к коммуникативному переводу.

Под прагматическим потенциалом оригинала понимается способность текста производить коммуникативный эффект, вызывать у рецептора прагматические отношения к полученной информации, иначе говоря, осуществлять прагматическое воздействие на получателя информации. Прагматика перевода определяется В. Н. Комиссаровым как «влияние на ход и результат переводческого процесса необходимости воспроизвести прагматический потенциал оригинала и стремление обеспечить желаемое воздействие на рецептора перевода» [Комиссаров 1990: 117].

Перед тем, как приступить непосредственно к переводу, переводчику необходимо установить ряд существенных моментов, способствующих воспроизведению прагматического потенциала оригинала для достижения поставленной коммуникативной задачи. Во-первых, переводчик должен уяснить коммуникативный смысл создателя текста, определяемый некоей потребностью. Во-вторых, целесообразно установить основную функцию текста. Каждый текст обладает приоритетной функцией, целью которой является оказание определенного прагматического воздействия на рецептора текста. В-третьих, в прагматических аспектах перевода большое внимание уделяется коммуникативной направленности исходного сообщения.

Отличительная черта художественного перевода заключается в том, что при переводе имеет место столкновение двух культурных систем, которое влечет за собой перемещение культурных тенденций. Каждый перевод, в большей или меньшей степени, отражает это противоречие, обозначаемое в рамках переводческой коммуникации термином «меж пространственный фактор в переводе». Сколько бы ни было проведено исследований на данную тему, неизменным является тот факт, что перевод должен читаться как оригинал, и этой задаче должны быть подчинены все переводческие решения.

При оценке качества переводов нужно исходить из соответствия образов оригинала образам перевода. Как утверждает А. Акопова «критерий верности перевода подлиннику должен быть, заключен в целостном образе художественного бытия оригинала, причем критерий верности каждого отдельного образа перевода – соответствующий ему образ в оригинале» [Акопова 1985: 89]. Первоначально художественные произведения безусловно рассчитаны на носителей языка оригинала, но в большинстве случаев переводятся на другие языки, поэтому прагматические факторы в них играют важную роль.

Стоит отметить, что для достижения нужного коммуникативного эффекта в распоряжении переводчика есть ряд приемов, помогающих ему разъяснить те моменты

исходного текста, которые могут быть непонятны для читателей. Эти приемы составляют так называемую прагматическую адаптацию перевода. Прагматическая адаптация представляет собой изменения, вносимые в текст перевода с целью добиться необходимой реакции со стороны рецептора перевода. О тех изменениях, которые переводчик делает в переводимом тексте, А. Нойберт пишет следующее: «обязанность переводчика предпринимать такие изменения, чтобы получился текст Б, который ориентирует получателя руководства об эксплуатации машины, говорящего на языке перевода так же, как текст А говорящего на иностранном языке. В результате будут пропуски, дополнения, перестановки, перенесение акцентов, которые, если их дословно перевести обратно, могут показаться говорящему на иностранном языке коверканием, искажением, недопустимым добавлением, многословием, пропусками, изменением привычной классификации» [Нойберт 1978: 201].

Кроме того, следует уточнить значение синонимичных терминов «коммуникативный эффект» и «прагматическое воздействие». Это понятие не ограничивается только осуществлением воздействия в прямом смысле этого слова, стремлением вызвать у читателя конкретную реакцию или заставить его испытывать какие-то эмоции или чувства. Оно подразумевает такой момент, как понимание читателем содержания сообщения.

Что касается понятия коммуникативно-прагматического эффекта в первом значении, то не всегда можно его достичь. Ведь даже текст, ориентированный на людей, относящихся к одному и тому же обществу, вызывает разную реакцию в силу различий личностных данных этих людей, не говоря уже о людях другой культуры, другого мировоззрения. Об этом факте справедливо говорит В. Н. Комиссаров: «одинаковая реакция читателей оригинала и перевода не является обязательной целью любого перевода, а в некоторых случаях она принципиально недостижима, вследствие особенностей рецепторов перевода, невозможности определить реакцию рецепторов оригинала и ряда других причин» [Комиссаров 1990: 76]. Реакции носителя языка и читателя перевода могут совпадать только тогда, когда их личностные характеристики

совпадают. Это означает, что совпадают архетипы реакций индивидов, классы реакций на исходный текст и на переводной текст. В этом смысле равноценность регулятивного воздействия исходного текста и переводного текста означает буквально следующее: разноязыковые тексты дают своим адресатам объективную возможность одинаково отреагировать на сообщение, а будут ли реакции разноязычных адресатов эквивалентными, зависит от степени совпадения их индивидуально-личностных свойств.

Поскольку перевод предназначен для другого человека, имеющего иной менталитет, относящегося к другому обществу, адаптация оригинального текста зачастую оказывается необходимой. Адаптация осуществляется с помощью экстралингвистической информации, излагаемой переводчиком.

Следует отметить, что существуют различные способы адаптации текста оригинала: 1) добавление; 2) опущение; 3) генерализация; 4) конкретизация; 5) комментарии. Сравнительно-сопоставительный анализ переводов тропов одного художественного произведения разными переводчиками позволяет сделать выводы о глобальных стратегиях переводческих решений, основанных на форенизации (способе приближения языковых норм родного языка к лингвистическим и культурным нормам иностранного языка в процессе перевода) и доместикации (ориентированности текста на ценности принимающей культуры), выявлении специфических преобразований, раскрывающих игру авторского воображения. Очень часто, когда нет возможности подобрать адекватный эквивалент, переводчики создают свою игру слов, близкую к оригиналу, которая напоминала бы по тем или иным показателям авторский каламбур. В рамках стратегии форенизации особое место отводится таким методам перевода, как калькированию и транскрибированию, а в рамках стратегии доместикации – адаптации и лексическим заменам [Лукин 2016: 5].

Безусловно, перечень стратегий художественного перевода нуждается в расширении и углублении с учетом творческих и профессиональных аспектов деятельности переводчика. С этой позиции важно не то, удачен или неудачен перевод и является ли он вольным или буквальным, а то, чем

руководствовался переводчик в своем выборе и как он добивался сохранения воздействующего потенциала оригинального текста.

Таким образом, прагматический аспект перевода определяется, прежде всего, как установка на адресата, получателя перевода, который «требует учета тождественности эффекта, производимого оригиналом и переводом». Поскольку сущность его в том, что «исходный и конечный тексты обычно адресованы разным получателям», Ю. А. Найда, Ч. Р. Табер вводят прагматический критерий адекватности перевода (реакция на конечное сообщение должна соответствовать реакции на исходное сообщение), при этом речь идет не «о полном тождестве восприятия», а лишь об их «соответствии» [Найда 1969: 134].

Прагматический аспект при переводе художественных произведений играет существенную роль, ведь именно он совместно с другими компонентами перевода во многом предопределяет адекватность самого перевода.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Акопова А. А. Образ и художественный перевод. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1985. – 149 с.
- Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. пособие для ин-тов и фак-тов иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
- Лукин Д. С. Лингвокультурные особенности перевода средств выразительности с языка оригинала на русский язык (на материале произведений Дж. Роулинг «Гарри Поттер»): дис. ... канд. филол. наук. – М.: Изд-во МГОУ, 2016. – 181 с.
- Найда Ю. Теория и практика перевода. Лейден, 1969. – 467 с.
- Нелюбин Л. Л. Переводческий словарь. – М.: Наука, 2003. – 320 с.
- Нойберт А. Прагматические аспекты перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Международные отношения, 1978. – 357 с.

УДК 811.111'373:811.133.1'373

Василенко А. П.

Брянск, Россия

**КОМПОНЕТ *СЕРДЦЕ*
ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ
АНГЛИЙСКОГО И
ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ**

Аннотация. В статье анализируется группа фразеологизмов с английским компонентом *heart* и французским *cœur*. На материале двух языков делается вывод о том, что искомый компонент является средоточием психофизического состояния носителя языка.

Ключевые слова: фразеологизмы, фразеология, французский язык, английский язык, сопоставительное языкознание, лингвокультурология, сердце.

Сведения об авторе: Василенко Анатолий Петрович, доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка.

Место работы: Брянский государственный университет.

Контактная информация: 241036, г. Брянск, улица Бежицкая, 14.
e-mail: a.p.vasilenko@mail.ru

Код ВАК 10.02.20

Vassilenko A. P.

Bryansk, Russia

***HEART*
IN ENGLISH AND FRENCH
PHRASEOLOGY**

Abstract. The article analyzes the group of phraseological units with the component *heart* in English and French. The material of the two languages tells that the component realizes the psycho-physical condition of a native speaker.

Keywords: phraseological units, phraseology, French, English, comparative linguistics, linguoculturology, heart.

About the Author: Vassilenko Anatole Petrovich, Doctor of Philology, Professor of the Chair of French Language.

Place of employment: Bryansk State University.

Люди всегда интересовались собственным телом, его загадочным устройством, что в последствие находит отражение в языке и, прежде всего, во фразеологическом фонде. Пожалуй, одним из наиболее ярко представленных в языке органов является *сердце*. Так, компоненты *heart* в английском и *cœur* во французском языках показывают широкое употребление в рамках устойчивых выражений.

Это неспроста, ведь *сердце* – основной жизненно важный орган человеческого организма. Для французского и английского языков характерно представление о *сердце* как о ценности, сущности и уязвимости. Сердцем часто называют центральную или важную часть, область чего-либо. [Зибров 2009: 5]. Среди французских фразеологизмов можно привести

следующие: *en plein cœur* – в самом центре, в самой гуще; *le cœur de qch* – суть чего-л. В английской фразеологии существуют такие идиомы, как *get to the heart of sth* – докапываться до сути дела; *strike at the heart of sth* – наносить удар в самое сердце [Cambridge 1998: 185], [Кумлева 2011: 31-32]. Для обоих языков характерна метафорическая основа *сердце как центр чего-либо*: под центром может подразумеваться географический центр, центральная часть страны, города; центр временного отрезка; суть дела; важная часть единства; основа, рабочий механизм; центр событий. Данное значение является наиболее распространенным в языках, в частности, французском и английском [Зибров 2009: 121].

Кроме того, компонент *сердце* во фразеологии французского и английского языков может быть представлен в разнообразии эмоций. Так, слово *сердце* включено в английские и французские обороты со значением ‘духовный мир’. Обороты французского языка: *aller droit au cœur* – проникнуть в душу, взять за сердце; *épancher le cœur* – излить душу; *parler [causer] de cœur à cœur* – поговорить по душам. Обороты английского языка: *have a heart-to-heart talk with smb* – иметь разговор по душам; *lose heart* – падать духом, отчаиваться; *open one’s heart to sb* – открыть свою душу, излить свою душу кому-л.; *pour msb’s heart out (to smb)* – излить душу кому-л. и др.

Сердце также ответственно за эмоциональную составляющую жизни человека. Нередко в устойчивых выражениях оно описывает такие эмоции, как грусть, печаль, душевную боль или же, наоборот, радость, веселье. Обороты французского языка: *avoir le cœur gros [serré]* – быть расстроенным, подавленным; *ça fait mal au cœur* – сердце кровью обливается; *crève-cœur* – неудача, досада, огорчение; *en avoir gros sur le cœur* – иметь камень на сердце; на душе кошки скребут; *haut les cœurs!* – держись, не падай духом!; выше голову!; гляди веселее!; *ne pas avoir le cœur à la danse* – быть не расположенным веселиться; не иметь повода для веселья; *rester [demeurer] sur le cœur* – надолго остаться неприятным осадком; *retourner le cœur* – взволновать до глубины души; перевернуть душу; *rire de bon cœur* – смеяться от души; *s’en donner à qch à cœur joie* – отдаться чему-л. с радостью и энтузиазмом; отвести

душу; натешиться; дать себе волю. Обороты английского языка: *be sick at heart* – тосковать; *break one's heart* – убиваться, расстраиваться; *cry/sob one's heart out* – выплакаться, горько и безутешно рыдать; *do smb's heart good* – радовать сердце, доставлять кому-л. удовольствие; *eat one's heart out* – изводить себя, терзаться; *every heart knows its own bitterness* – у каждого свои горести; *make sb's heart bleed* – заставить сердце кровью обливаться, заставить кого-л. страдать; *warm the cockles of (sb's) heart* – радовать кого-л., согреть душу и др.

Следует отметить, что компонент *сердце* часто встречается в устойчивых выражениях английского и французского языков, где речь идет о любовных чувствах. Обороты французского языка: *avoir le cœur libre* – быть ни в кого не влюбленным; *avoir un cœur d'artichaut* – быть слишком влюбчивым, ветреным; *d'abondance de cœur* – от избытка чувств. Обороты английского языка: *aching heart* – чувство печали (по поводу утраченной любви); *break sb's heart* – разбить чье-л. сердце; *die of a broken heart* – умереть от разбитого сердца, от неразделенной любви; *have a soft corner in one's heart for sb* – испытывать теплое чувство к кому-л.; *lose one's heart to sb* – влюбиться; *wear one's heart upon on one's sleeve* – не скрывать своих чувств; *wring sb's heart* – сжать, сдавить чье-л. сердце (о чувстве) и др.

Также фразеологизмы английского и французского языков с компонентом *сердце* могут выражать отношение к чему-л., кому-л. Обороты французского языка: *avoir du cœur à l'ouvrage* – относиться с любовью к тому, что делаешь; *de bon [grand] cœur* – охотно; от чистого сердца; *ça soulève le cœur* – от этого с души воротит; *le cœur n'y est pas* – к этому душа не лежит; *ne pas avoir le cœur à qch, à faire qch* – не лежит душа к чему л.; *ne pas porter qn dans son cœur* – недолюбливать кого л.; *prendre qch à cœur* – принимать что л. близко к сердцу. Обороты английского языка: *close to one's heart* – близкий чьему-л. сердцу; *from the heart* – от чистого сердца, от души; *have one's heart in sth* – вкладывать всю душу во что-л.; *heart and soul* – вкладывая всю душу, охотно, с энтузиазмом; *one's heart goes out of sth* – душа не лежит к чему-л.; *put your heart and soul into sth/doing sth* – вкладывать сердце и душу во что-л.; *take sth to*

heart – серьезно отнестись к чему-л.; *with all one's heart* – от всей души, от всего сердца; *with half a heart* – без интереса, без энтузиазма и др.

Таким образом, компонент *сердце* (*cœur* и *heart*) представляется в языках не только как один из жизненно важных органов, но и как центральный символ духовного и психологического состояния человека.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Зибров Д. А. Концепт «сердце» в аспекте концептуальной систематики языка: дис. ... канд. филолог. наук. – Иркутск, 2009. – 158 с.

Кумлева Т. М. Самая современная фразеология французского языка. – М.: Астрель, АСТ, 2011. – 147 с.

Кунин А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь. – 4-е издание. – М.: Русский язык, 1984. – 945 с.

Цримова З. Р. Концепт «сердце» в языковой картине мира (на материале кабардинского, русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. – Нальчик, 2003. – 145 с.

Cambridge international dictionary of idioms. – Cambridge University Press, 1998. – 504 с.

УДК 811.161.1'271.2

Виноградов Д. В.

Сеул, Р. Корея

**ПРОБЛЕМА
ИДЕНТИФИКАЦИИ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ЛЕКСИКИ В
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЛИНГВИСТИКЕ**

Аннотация. Проблема идентификации профессиональной лексики в отечественной лингвистике давно является сложнейшей теоретической проблемой. С целью устранения терминологической неточности и выявления базовых свойств лексика профессиональной речи классифицируется в статье по нескольким признакам. Предложенная классификация позволяет выявить три группы лексики – терминология, собственно профессиональная лексика и профессиональный жаргон – каждая из которых обладает собственными характеристиками.

Ключевые слова: русский язык, профессиональная лексика, социальный диалект, терминология, жаргон.

Сведения об авторе: Виноградов Даниил Вадимович, кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка.

Место работы: Университет иностранных языков Ханкук.

Контактная информация: Korea, Seoul, Dongdaemun-gu, Imun-ro 107, 321.
e-mail: dantihvin@yandex.ru.

Код ВАК 10.02.01

Vinogradov D. V.

Seoul, Korea

**THE PROBLEM OF THE
IDENTIFICATION OF
PROFESSIONAL
VOCABULARY IN RUSSIAN
LINGUISTICS**

Abstract. The problem of identifying professional vocabulary in Russian linguistics is very complex theoretical problem. In order to eliminate terminological inaccuracy and reveal the basic properties professional vocabulary is classified in the article on several grounds. The proposed classification allows us to identify three groups of vocabulary – terminology, vocational vocabulary and professional jargon – each of which has its own characteristics.

Keywords: Russian language, professional vocabulary, sociolect (social dialect), terminology, jargon.

About the Author: Vinogradov Daniil Vadimovich, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Department of Russian.

Place of employment: Hankuk University of Foreign Studies.

Несмотря на общепризнанность в лингвистике в течение длительного времени такого объекта описания и изучения, как профессиональный язык (профессиональная лексическая

система), его внутренняя неоднородность и терминологическая идентификация является важной теоретической проблемой и в настоящее время.

Так, *лексика профессиональной речи* обозначается в отечественной традиции по-разному: *профессиональные арготизмы, арготическая профессиональная лексика, профессиональное арго* (Д. С. Лихачев, Б. А. Ларин), *профессиональные жаргонизмы, профессиональные жаргоны*, (Л. П. Крысин, В. М. Жирмунский), *профессиональная терминология, профессиональные термины* (О. Н. Трубачев, Б. Л. Богородский), *производственные жаргонизмы, профессиональное просторечие*, (М. А. Грачев) и т. п.

При всем многообразии используемых лингвистами терминов значительная часть из них является не более чем терминологическими предпочтениями исследователей, а не принципиально новыми понятиями. Однако сложность проблемы усиливается ввиду, действительно, неоднородного лексического материала в составе профессионального языка.

Внутреннюю противоречивость рассматриваемой формы социальных диалектов объяснил Л. П. Крысин: «...профессиональные жаргоны подобны стилям литературного языка: их использование зависит от условий общения (ситуации, цели, темы, адресата и т.п.). Однако, в отличие от стилей, каждый профессиональный жаргон имеет строго определенную и притом ограниченную среду, в которой он используется и за пределами которой он непонятен. Профессиональный жаргон, таким образом, как бы совмещает в себе коммуникативные признаки стиля и социальные признаки корпоративного (группового) жаргона» [Крысин 2004: 69].

Являясь средством профессионального общения, профессиональный язык (профессиональная лексическая система) содержит, как минимум, и специальные профессиональные *термины*, и разговорные слова, понятные только представителям данной профессии (профессионализмы). И профессионализмы, и термины входят в состав профессиональной (отраслевой, специальной) лексики, являющейся частью общей лексической системы языка.

В общей массе слов, употребление которых свойственно людям тех или иных профессий, имеющих сферой своего использования какую-либо отрасль техники или науки, Л. П. Крысин различает лексику *специальную* и *профессиональную*, понимая под первой «официально принятые и регулярно употребляемые специальные термины», а под второй – «свойственные многим профессиям экспрессивно переосмысленные, переименованные слова и выражения, взятые из общего оборота» [Крысин 2013: 144-145].

Важнейшими характеристиками терминов являются «системность, наличие дефиниции (для большинства терминов), тенденция к моносемичности в пределах своего терминологического поля, а также отсутствие экспрессии и стилистическая нейтральность» [ЛЭС 1990: 508-509]. Кроме того, неоспоримыми характеристиками терминов являются их социально обязательный характер, а также связь с научными концепциями, отмечаемая исследователями в качестве «основной черты, отличающей термины от слов всех других типов [Суперанская 1989: 7-8]. Тезис о том, что «термин (для лингвиста. – Д. В.) – это имя понятия, а дефиниция – развернутое толкование этого имени» [Суперанская 1989: 11], с необходимостью приводит к следующему утверждению: «Под термином понимается слово или лексикализованное словосочетание, требующее для установления своего значения в соответствующей системе понятий построения дефиниции» [Канделаки 1977: 7].

Однако представители той или иной профессии или сферы деятельности оперируют в своей речи не только терминами, но и профессионализмами, которые, как и термины, представляют собой слова и выражения, обозначающие понятия специальной сферы деятельности. В разговорный язык профессионализмы (элементы профессионального просторечия) проникают благодаря своей эмоциональной выразительности, отвечая постоянной потребности носителей языка в обновлении лексического, особенно экспрессивного, инвентаря, а также потребности в языковой игре. Благодаря своей выразительности, которую можно считать одним из конститутивных свойств профессионализмов, а также порой встречающейся близости

значений, профессионализмы могут выступать как просторечные, эмоционально окрашенные эквиваленты терминов (*программер, компьютерщик и программист, сисадмин и системный администратор, вертушка и вертолет*).

Остановимся на нескольких обобщающих работах, посвященных этой проблеме, которые претендуют на ее решение, хотя бы и относительное.

С. Д. Шелов в статье «Терминология, профессиональная лексика и профессионализмы (к проблеме классификации специальной лексики)» (1984) дал системный обзор всех существующих терминологических концепций и обобщил основные интерпретации профессиональной лексики, которые позднее расширил в работе [Шелов, Лейчик 2012]. С. Д. Шелов, рассматривая обобщенно лексику профессиональной сферы употребления как специальную, четко выделяет в ее составе: *профессиональную лексику и терминологическую*, и выявляет следующие терминологические концепции их соотношения в отечественной лингвистике:

1) отождествление профессиональной лексики и терминологии (В. М. Жирмунский, А. А. Реформатский, Н. М. Шанский, О. С. Ахманова);

2) различие профессиональной лексики и терминологии а) по хронологическому принципу (М. Д. Степанова, И. И. Чернышева, В. Н. Портянникова, Ф. Kluge): профессиональная лексика архаична, терминология – специальная лексика современной науки и техники; б) по номинативному принципу (А. В. Калинин, Б. И. Косовский): «большая точность терминологической лексики — меньшая точность профессиональной лексики» [Шелов 1984: 79];

3) частичное совпадение и частичное разделение профессиональной лексики и терминологии, что неизбежно ведет к дифференциации профессиональной лексики, одной из частей которой оказываются собственно *профессионализмы*, которые не являются терминами (В. Н. Прохорова, Н. И. Фомина, В. Н. Сергеев, Н. Н. Медведева, А. В. Калинин, С. Д. Шелов, С. И. Сердобинцева).

С конца XX в. в структуру профессиональных лексических систем ряд исследователей включают не 2, а 3 и

иногда 4 группы языковых явлений (В. Н. Прохорова, М. А. Грачев, Е. И. Голованова, Е. И. Квашнина). М. А. Грачев включает и иные критерии дифференциации профессиональной лексики [Грачев 2011].

Обобщим сделанные исследователями выводы следующим образом:

Термины/номенклатура: по способам номинации – первичная номинация, нормативные характеристики – нормированы, по функционально-стилевым характеристикам – книжная лексика (письменная и устная форма), по эмоционально-экспрессивной характеристике – высокая, нейтральная лексика (отсутствует коннотация), фиксация в словарях – нормативные словари, терминологические словари.

Профессиональная лексика, профессионализмы: по способам номинации – первичная/вторичная номинации профессиональных понятий, нормативные характеристики – ненормированы, по функционально-стилевым характеристикам – разговорные слова (устная форма), по эмоционально-экспрессивной характеристике – нейтральная лексика, фиксация в словарях – не фиксируются в толковых и нормативных словарях, включаются в словари профессионализмов, жаргонизмов.

Профессиональные, производственные жаргонизмы: по способам номинации – вторичная (по отношению к терминам и профессионализмам) номинация, нормативные характеристики – ненормированы, по функционально-стилевым характеристикам – просторечие (устная форма), по эмоционально-экспрессивной характеристике – сниженная лексика (обязательна коннотация), фиксация в словарях – не фиксируются в толковых и нормативных словарях, включается в жаргонные, диалектные словари.

Представляется, что теоретически и логически выявленные критерии и характеристики структурных единиц профессионального языка могут в целом рассматриваться как базовые.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Грачев М. А. Составные части лексической системы профессиональных языков: к проблеме разграничения терминов,

- профессионализмов и производственных жаргонизмов // Социальные варианты языка-VII: Мат-лы межд. науч. конференции 14–15 апреля 2011. Нижний Новгород / отв. ред. М. А. Грачев. – Нижний Новгород: Изд-во НГУ, 2011. – С. 62-65.
- Канделаки Т. Л. Семантика и мотивированность терминов / АН СССР, Комитет научно-технич. терминологии. – М.: Наука, 1977. – 167 с.
- Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 888 с.
- Крысин Л. П. Современный русский язык. – М.: Издат. центр «Академия», 2013. – 928 с.
- ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
- Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: Вопросы теории. – М.: Наука, 1989. – 246 с.
- Шелов С. Д. Терминология, профессиональная лексика и профессионализмы (к проблеме классификации специальной лексики) // Вопросы языкознания. – 1984. – № 5. – С. 76-87.
- Шелов С. Д., Лейчик В. М. Терминология и профессиональная лексика: состав и функции: учеб. пособие. – СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2012. – 96 с.

УДК 81'25:81:1

Калинин С. С.

Кемерово, Россия

**О НЕКОТОРЫХ
ЛИНГВОФИЛОСОФСКИХ
ПРОБЛЕМАХ ТЕОРИИ
МАШИННОГО ПЕРЕВОДА И
ВОЗМОЖНЫХ ПУТЯХ ИХ
РЕШЕНИЯ**

Аннотация. В статье рассматриваются в лингвофилософском аспекте некоторые проблемы теории машинного перевода, связанные с проблемой переводимости и предлагается их решение, основанное на позитивном отношении к возможности машинного перевода.

Ключевые слова: *машинный перевод, трудности перевода, фреймовая семантика, фреймы, лингвистика конструкций, когнитивный подход.*

Сведения об авторе: Калинин Степан Сергеевич, аспирант кафедры переводоведения и лингвистики.

Место учебы: Кемеровский государственный университет.

Контактная информация: 650000, г. Кемерово, ул. Красная, д. 6.
e-mail: rage_of_gods@inbox.ru.

Код ВАК 10.02.21

Kalinin S. S.

Kemerovo, Russia

**TOWARD THE WAYS OF
SOLUTION OF SOME
LINGUISTIC-
PHILOSOPHICAL PROBLEMS
IN THE COMPUTER-BASED
TRANSLATION THEORY**

Abstract. The author of this article describes some linguistic-philosophical problems of the computer-based translation theory. The article focuses on the problem of translability in aspect of automatic translation. The author examines some ways of solution of these problems which are based on the positive reconsideration of the computer-based translation possibility.

Keywords: *computer-based translation, difficulties of translation, frame semantics, frames, construction linguistics, cognitive approach.*

About the Author: Kalinin Stepan Sergeevich, graduate student of chair of translation studies and linguistics.

Place of education: Kemerovo State University.

Можно обозначить несколько основных проблем, связанных с теорией машинного перевода. Как полагает автор, главная проблема – это сама возможность его осуществления. Существуют разные подходы и разные воззрения на данную проблему. Еще в середине прошлого века в докладе Консультативного комитета по проблемам автоматической переработки текстов на естественных языках (ALPAC) говорилось о том, что принципиально невозможен тот факт

[Беляева 2016: 14-15], чтобы компьютер сам смог когда-либо осуществлять переводы более или менее связанных текстов. Этот доклад (который в англоязычных источниках называется ALPAC Report [Беляева 2016: 13]) имел далеко идущие последствия для развития теории и практики машинного перевода: в результате большинство работ в этом направлении в США были свернуты на значительное время. В то же время один из отцов машинного перевода – Уоррен Уивер – написал в своем известном меморандуме (который теперь доступен в электронном виде на сайте MIT [Weaver 1949]) о том, что видит возможным существование машинного перевода. У. Уивер описывал этот процесс как процесс шифровки и дешифровки текстов [Weaver 1949]. Таким образом, проанализировав даже историю обсуждаемой проблемы, мы нашли две принципиально различные точки зрения.

В современном профессиональном сообществе переводчиков по отношению к машинному переводу и его возможностям распространен априорный скептицизм, заключающийся в том, что утверждается постулат о «лучших» способностях «живого» переводчика по сравнению с переводческими способностями компьютера. Радикальным выражением такой позиции является точка зрения американского филолога и практикующего переводчика А. Гросса [Гросс 2009: 285], который полагает, что машины никогда не добьются тех успехов в переводе текста, каких достиг человек. Кроме того, А. Гросс заявляет, что перевод с одного языка на другой вообще неосуществим [Гросс 2009: 287-288]. С философской точки зрения А. Гросс придерживается позитивистских и даже в некоторой степени биологизаторских позиций: так, например, он объясняет процесс глоттогенеза у человека в рамках эволюции коммуникационных систем живых организмов (животных, но не только) [Гросс 2009: 294-298]. Нам представляется, что при всей типологической схожести функций коммуникационных систем живых организмов и человеческого языка (на что указывает, в частности, Т. В. Черниговская [Черниговская 2013: 40-42]), происхождение языка нельзя объяснять с помощью такой прямой аналогии.

На наш взгляд, вопрос о переводимости связан вообще с

вопросом о языковых универсалиях, относящихся к разным уровням организации языка. Особенно касается это семантических универсалий, строгая теория которых пока не выработана. Более простая ситуация связана с вопросом о грамматических универсалиях и фреквенталиях. Замечено, что перевод легче осуществляется в тех языковых парах, в которых языки близкородственны и типологически схожи. В языковых парах же, в которых языки типологически несхожи, перевод осуществляется со значительными неточностями, а иногда и с прямыми ошибками.

Вопрос о взаимосвязи перевода и языковых универсалий тесно связан с вопросом о соотношении универсальных и идиоэтнических компонентов в языке. Так, например, неогумбольдтианство в лице его главнейшего представителя Й. Л. Вайсгербера, вслед за лингвофилософскими идеями В. фон Гумбольдта, утверждает этноспецифичность языковых явлений [Даниленко 2010: 95]. Именно язык как промежуточный мир по Й. Л. Вайсгерберу [Вайсгербер 2009: 176], и определяет своеобразие мировидения того или иного этноса. Американские неогумбольдтианцы (этнолингвисты) на основе данных идей пришли к теории Сепира и Уорфа [Даниленко 2010: 72-73]. В то же время Г. Брутян утверждает как противоположность принципу лингвистической относительности т. н. принцип лингвистической дополнительности, согласно которому языковая структура всех известных языков подчиняется универсальным логическим законам с некоторыми небольшими этноспецифическими вариациями (они не являются существенными) [Брутян 1968: 57]. Таким образом, Г. Брутян отрицает достоверность и какую-либо гносеологическую ценность теории Сепира-Уорфа [там же].

Представляется, что для анализа проблематики машинного перевода необходимо сочетать достоинства как того, так и другого подходов. Действительно, для понимания машине более пригодны формализованные конструкции, описанные на языках программирования, которые, в конечном счете, основаны на языке математической логики, исчисления предикатов. В данном случае для осуществления формального перевода можно абстрагироваться от каких-то специфических

идиоэтнических компонентов (даже в случае, если это касается семантики). Однако, для более полного и адекватного осуществления перевода (на уровне глубинной семантики) необходимо использовать методы и принципы неогумбольдтианской лингвофилософии. В этом случае приходится учитывать и этноспецифичность даже простых культурных концептов, являющихся базовыми, по крайней мере, для индоевропейских культур (см., для сравнения, работу Л. С. Бархударова о значениях [Бархударов 1969], связанных с концептами ДОМ и HOUSE в русском и английском языках, соответственно).

Известным фактом является, что лингвистическая семантика очень плохо поддается формализации. Однако наиболее успешной попыткой таковой формализации в применении к аспектам машинного перевода является лингвистический процессор ЭТАП-3, созданный на основе модели «Текст – Смысл» под руководством Ю. Д. Апресяна [Митренина 2017: 8-9]. Можно предложить и другие возможные способы формализации семантической структуры языка, которые могут быть реализованы в будущих системах перевода. В частности, для формализации смыслов могут быть использованы фреймовые методы и фреймовые технологии, впервые разработанные американским когнитивистом М. Минским [Минский 1979] как «структуры для представления знаний». Идея была применена к лингвистическому материалу Ч. Филлмором в его многочисленных работах по фреймовой семантике [Филлмор 1981], [Филлмор 1983]. В. А. Звегинцев рассматривал применение фреймов и фреймовой семантики для обучения пониманию и моделирования аналога сознания у систем искусственного интеллекта (ИИ) [Звегинцев 2008: 260-261]. Представляется, что и фреймовая организация знаний и соответствующих им лексических выражений с последующим представлением перевода как трансфера этих фреймов может в дальнейшем применяться для развития систем машинного перевода.

Еще одним способом создания перспективных систем машинного перевода являются методы, используемые в т. н. лингвистике конструкций. С точки зрения этой теории конструкция – это такой языковой знак, план содержания

которого не выводим из простой суммы планов содержаний всех его компонент [Лингвистика конструкций 2010: 19-20]. Таким образом, при анализе конструкций как языковых структур всегда необходимо учитывать синергию смыслов, происходящую в этих структурах. Важным аспектом является то, что конструкция представляет собой неразделимое на всех языковых уровнях единство, которое «предоставляет» доступ к стоящим за ней концептуальным структурам [Лингвистика конструкций 2010: 21-23], т. е., служит своеобразным когнитивно-семантическим интерфейсом. Конструкции могут использоваться как единицы машинного перевода, которые могут предоставлять доступ к формализованным описаниям семантики, например, организованным в виде онтологий (см. работу В. Ш. Рубашкина об успешно функционирующих семантических онтологиях [Рубашкин 2012: 230-240]). Успешное применение грамматики конструкций к описанию фразеологизмов (см., например, работу [Добровольский 2016]) дает возможность при конструкционной формализации машинного перевода устойчивых словесных комплексов успешно их переводить, за счет чего может быть снята одна из главных претензий противников машинного перевода.

Таким образом, главной идеей данной небольшой работы является обсуждение проблемы переводимости и непереводимости применительно к теории и практики машинного перевода. По нашему мнению, проблема переводимости решается положительно. Предложен ряд теоретических способов совершенствования и повышения качества машинного перевода. За счет развития этих новых методов, в том числе, системы машинного перевода могут стать (а некоторые уже стали) вполне конкурентоспособным продуктом на рынке интеллектуальных технологий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бархударов Л. С. Двенадцать названий и двенадцать вещей // Русский язык за рубежом. – 1969. – № 4. – С. 79-86.
- Беляева Л. Н. ALPAC REPORT: воспоминания о будущем // Труды VIII международной научной конференции «Прикладная лингвистика в науке и образовании» 24-26.11.2016, г. Санкт-

- Петербург. – СПб.: ООО «Книжный дом», 2016. – С. 11-15.
- Брутян Г. А. Гипотеза Сепира-Уорфа. – Ереван: Луйс, 1968. – 70 с.
- Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа / пер. с нем., вступ. ст. и комм. О. А. Радченко. – Изд. 3-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 232 с.
- Гросс А. Эмпирическая лингвистика как решение проблемы, порожденной шаманской лингвистикой / пер. с англ. А. В. Кравченко // *Studia linguistica cognitiva*. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. – Вып. 2: Наука о языке в изменяющейся парадигме знания. – С. 280-303.
- Даниленко В. П. Вильгельм фон Гумбольдт и неогумбольдтианство. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 216 с.
- Добровольский Д. О. Грамматика конструкций и фразеология // *Вопросы языкознания*. – 2016. – № 3. – С. 7-21.
- Звегинцев В. А. Мысли о лингвистике / предисл. В. М. Алпатова. – Изд. 2-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 336 с. – (Серия «Из лингвистического наследия В.А. Звегинцева»).
- Лингвистика конструкций / отв. ред. Е. В. Рахилина. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2010. – 584 с.
- Минский М. Фреймы для представления знаний / пер. с англ. О. Гринбаума. – М.: Энергия, 1979. – 152 с.
- Митренина О. В. Назад в 47-й: к 70-летию машинного перевода как научного направления // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. – 2017. – Т. 15. – № 3. – С. 5-12.
- Рубашкин В. Ш. Онтологическая семантика. Знания. Онтологии. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2012. – 348 с.
- Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь // *Новое в зарубежной лингвистике*. – М.: Прогресс, 1981. – Выпуск X: лингвистическая семантика. – С. 496-530.
- Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // *Новое в зарубежной лингвистике*. – М.: Радуга, 1983. – Выпуск XII: прикладная лингвистика. – С. 74-122.
- Черниговская Т. В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание. – М.: ЯСК, 2013. – 448 с.
- Weaver W. Memorandum on Translation. – 1949. – Режим доступа: <http://www.mt-archive.info/Weaver-1949.pdf>.

УДК 811.112.2 2(Шмиттеннер Ф. Я.)

Лукин О. В.

Ярославль, Россия

**ТЕОРИЯ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В
ТРУДАХ**

Ф.Я. ШМИТТЕННЕРА¹

Аннотация. Автор статьи анализирует теорию частей речи в работах Ф. Я. Шмиттеннера, который основывает свое видение грамматической системы частей речи немецкого языка как на логических, так и на формальных основаниях.

Ключевые слова: части речи, история языкознания, немецкий язык, лингвисты, терминология, грамматика немецкого языка.

Сведения об авторе: Лукин Олег Владимирович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка.

Место работы: Ярославский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 150003, г. Ярославль, пр. Ленина, д. 13/67, кв. 25.
e-mail: oloukine@mail.ru

Код ВАК 10.02.19

Lukin O. V.

Yaroslavl, Russia

**PARTS OF SPEECH THEORY
IN F. J. SCHMITTHENNER'S
WORKS**

Abstract. The article describes the way the parts of speech theory is presented in F. J. Schmitthenner's works, the scholar's understanding of the parts of speech grammatical system in German is based on logical and formal principles.

Keywords: parts of speech, history of linguistics, German, linguists, terminology, grammar of the German language.

About the Author: Lukin Oleg Vladimirovich, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Chair of Language Theory and German language.

Place of employment: Yaroslavl State Pedagogical University.

Ф. Я. Шмиттеннера (нем. Friedrich Jakob Schmitthenner (1796–1850)) принято считать крупным ученым в области истории, политических и камеральных наук: он автор таких трудов как «История немцев», «Очерк политических и исторических наук» и «Двенадцать книг о государстве, или Систематическая энциклопедия общественно-государственных наук». Однако велики его заслуги и в области языкознания – лингвофилософии, лексикографии и грамматики немецкого языка (см. [Лукин 2017]).

Ф. Я. Шмиттеннер родился 17 марта 1796 года в семье священника в Обердрайсе. Начальное образование получил

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 17-04-00200-ОГН.

дома, затем окончил гимназию в г. Идштайне. В 1813 году поступил в Марбургский университет, где изучал медицину, философию и историю. Кроме того, он учился в университетах в Гисене и Гёттингене. По окончании университета работал священником, затем занимал различные должности в народном образовании. В 1828 году Ф. Я. Шмиттеннер защитил диссертацию. С 1832 по 1835 год был советником по образованию в Дармштадте, после чего вернулся в Гисенский университет на должность профессора.

Уже в 1817 году молодой учитель стал одним из основателей «Франкфуртского научного общества по изучению немецкого языка»¹. Его труды по языкознанию появлялись как во время его деятельности в гимназиях Дилленбурга и Висбадена и учительской семинарии Идштайна, так и его работы профессором истории Гисенского университета. Его наиболее значительные произведения «Учение о праязыке» и «Тевтония» переиздавались вплоть до конца XX века. Уже первая его лингвистическая работа – небольшая книга «Краткое учение о правописании немецкого языка» (1821) – была воспринята элементарная грамматика немецкого языка.

Вторым грамматическим трудом ученого стала «Немецкая грамматика для гуманитарных гимназий, обработанная в соответствии с результатами новейших исследований», вышедшая в 1822 году [Schmitthenner 1822]. Уже в предисловии к этой работе молодой ученый формулирует цель преподавания языка, которую он видит в том, чтобы ученик правильно и быстро использовал язык, который будет способствовать его побуждению к духовной самостоятельности. Чтобы в совершенстве знать и употреблять только один язык, необходимо знание общих законов, служащих своего рода каркасом, на котором покоится здание каждого отдельно взятого языка. Этими законами, по мнению Шмиттеннера, являются законы человеческого разума: в соответствии с ними каждый, пусть и бессознательно, употребляет свой родной язык. Задача думающего учителя состоит в том, чтобы на основе языковых явлений немецкого языка, который является «... непосредственным отпечатком и выражением рассудка

¹ Перевод с немецкого языка на русский здесь и далее наш – О. Л.

самого глубоко мыслящего народа», показывать ученикам законы его разума. Кроме знания этих законов необходимо знание элементов, из которых состоит здание языка [Schmitthenner 1822: V-VII].

Грамматики своих предшественников Шмиттеннер критикует за то, что почти все они «...сработаны по исключительно несовершенному крою, который придали немецкой грамматике Готтшед и Аделунг ... ни в одной из них не видно полного использования результатов исследований, которыми в последние десятилетия обогатили грамматику Радлоф, Доцен, Гримм, Гротefeld, Шульце, Дёлеке, Вольке, Бернард (Рейнбек), Зейденштюкер и др.» [Schmitthenner 1822: VIII-IX].

Учение о частях речи занимает в грамматике Шмиттеннера важное место. Следует заметить, что термин «части речи» (Wortarten) употребляется у него подчас параллельно с термином «части языка» (Sprachtheile). К главным частям речи (Haupt-Sprachtheile) Шмиттеннер относит существительное, прилагательное, глагол и местоимение. Рассмотрение системы частей речи он начинает с существительного. Существительное (Hauptwort, Substantivum) – это то, «... что можно себе представить самостоятельным ... самостоятельность вещи немецкий язык обозначает артиклем». Прилагательное (Eigenschaftswort, Adjectivum) и глагол (Meldewort, Zeitwort, Verbum) определяются автором по отношению к существительному как его акциденции: первое – как содержащийся и неизменный признак существительного, второй – как признак, зависимый от него [Schmitthenner 1822: 50]. Местоимение (Deutewort, Fürwort, Pronomen) ученый определяет как слово, служащее для обозначения внешних условий представления и для указания на личные отношения [Schmitthenner 1822: 52-53].

Вспомогательными частями речи (Neben-Sprachtheile) или определяющими словами (Bestimmungswörter) являются: числительное (Zahlwort), наречие (Nebenwort, Adverbium), предлог (Vorwort, Verhältniswort, Praepositio) и союз (Bindewort, Conjunctio). Первые три – слова, определяющие отдельные части речи, союзы – слова, определяющие предложения или его

части. Числительное указывает «... на объем понятия, т. е. количество охваченных им предметов». Наречие «... дает признак другого признака, служит, таким образом, для более точного определения прилагательного и глагола». Предлог обозначает «... различные отношения понятий друг с другом». Союз «... служит для соединения и для обозначения отношения предложений и частей предложений» [Schmitthenner 1822:53–54]. Кроме перечисленных частей речи Шмиттеннер называет еще один класс, «... слов, или скорее звуков, которые выражают не представления, а ощущения», т. е. междометия (*Empfindungslaute*) [Schmitthenner 1822: 54-55].

Самым значительным произведением Шмиттеннера является «Учение о праязыке» – книга, увидевшая свет в 1826 году. В отечественной лингвистикографии она относится к работам «...«добопповского» периода формирования сравнительно-исторического языкознания в Германии, когда оно только выкристаллизовывалось из рационалистических учений универсальной грамматики» [Блинов 2016: 355].

В этой работе Шмиттеннер полностью выводит свое видение теории частей речи из категорий человеческого разума, ср.: «Сколько есть видов мыслей, столько должно быть частей речи» [Schmitthenner 1826: 121]. Поэтому абсолютному «быть» и абсолютному «оно» соответствуют, с одной стороны, абстрактное и конкретное существительное (*Dingwort*), с другой – абстрактный и конкретный глагол (*Zeitwort*). Эти две части речи образуют вершину системы частей речи в немецком языке. Далее располагаются определяющие слова (*Bestimmungswörter*). Это – определяющие слова слов и предложений. Первые классифицируются по признаку количества (числительное и количественное наречие), качества (прилагательное и качественное наречие) и отношения (предлог и относительное наречие). Вторую группу составляют союзы (см. илл.) [Schmitthenner 1826: 121-122].

Bestimmungswörter.

A. Der Wörter.

a) Der Quantität.

Zahlname
(N. numerale)

Nebewort d. Quant.
(Adv. quantitatis).

b) Der Qualität.

Beiname
(N. adjectivum)

Nebewort d. Qual.
(Adv. qualitatis).

c) Des Verhältnisses.

Vorwort
(Praepositio)

Nebewort d. V.
(Adv. relationis).

B. Der Sätze. (Bindewort).

В 1828 году вышли два тома под общим названием «Гевтония. Подробная немецкая грамматика на новом научном обосновании». В ней частеречные идеи Шмиттеннера нашли свое продолжение. Особенность этой работы заключается в том, что ее автор параллельно рассматривает две классификации частей речи – по значению и по форме. В первую входят местоимение (Deutewort, Pronomen), числительное (Zahlwort, Numerale), существительное (Dingname, Nomen), глагол (Zeitwort, Verbum), предлог (Vorwort, Praepositio) и союз (Bindewort, Conjunctio) [Schmitthenner 1826: 67]. Классификация по форме приводит уже к другим частям речи, причем с более дробным членением внутри двух групп. Так, группа существительных (Hauptwörter, Substantiva) делится на три подгруппы (собственно существительные, субстантивные местоимения и существительные, обозначающие количество), прилагательных (Beiwörter, Adjektiva) – на четыре (местоименные прилагательные, местоименные числительные, собственно прилагательные и причастия), оставшиеся части речи – это наречия (Nebewörter, Adverbia), глаголы (Zeitwörter, Verba), предлоги (Vorwörter, Praepositiones) и союзы (Bindewörter, Conjunctiones) [Schmitthenner 1826: 67].

Разумеется, Ф. Я. Шмиттнер продолжал разрабатывать теорию частей речи и в дальнейших своих произведениях, и в переизданиях более ранних. Поэтому полный и всесторонний анализ частеречных построений этого языковеда на фоне всей парадигмы немецкого языкознания XIX столетия представляется интересной и многообещающей перспективой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Блинов А. В. Несколько страниц из истории компаративистики в Германии // Риторика. Семиотика. Языкознание. Сборник статей к 70-летию профессора А. А. Волкова / под ред. И. И. Богатырева, В. В. Смолененкова. М.: «Добросвет», ИД «Городец», 2016. – С. 354-367.

Лукин О. В. Фридрих Шмиттнер как грамматист, лингвофилософ и лексикограф // Вестник Московского государственного областного университета. – 2017. – № 4. – Режим доступа: <http://www.evestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/846>.

Schmitthenner Fr. Teutonia. Ausführliche Teutsche Sprachlehre nach neuer wissenschaftlicher Begründung, als Handbuch für Gelehrte und als Commentar über seine kleinern Lehrbücher. Bd. 1: Niedere Sprachlehre. – Frankfurt; M.: J. Ch. Hermannsche Buchhandlung; G. F. Kettembeil, 1828. – X, 328 s.

Schmitthenner Fr. Teutsche Sprachlehre für Gelehrtschulen, nach den Ergebnissen der neuesten Forschungen bearbeitet. – Herborn: J. Chr. Krieger, 1822. – XX, 340 s.

Schmitthenner Fr. Ursprachlehre. Entwurf zu einem System der Grammatik mit besonderer Rücksicht auf die Sprachen des indisch-teutschen Stammes: das Sanskrit, das Persische, die pelasgischen, slavischen und teutschen Sprachen. Frankfurt: Verlag der Hermannschen Buchhandlung, 1826. – XII, 348 s.

УДК 811.161.1'367:811.111'367

Митина Г. В.

Воронеж, Россия

**К ВОПРОСУ О
СЕМАНТИЧЕСКОЙ
ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ
СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ
ВРЕМЕННЫХ
ПРЕДЛОЖЕНИЙ (НА
МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)**

Аннотация. В данной статье были рассмотрены сложноподчиненные предложения с собственно-временным значением и со значением длительности.

Ключевые слова: *сложно-подчиненные предложения, лексическая семантика, русский язык, английский язык.*

Сведения об авторе: Митина Галина Владимировна, преподаватель 209 кафедры иностранных языков.

Место работы: Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» (г. Воронеж).

Контактная информация: 394064, г. Воронеж, ул. Старых Большевиков 54 «А».

e-mail: gmitina19@gmail.com

Код ВАК 10.02.04

Mitina G. V.

Voronezh, Russia

**REVISITING THE SEMANTIC
DIFFERENTIATION OF
COMPLEX SENTENCES WITH
TIME CLAUSE (AS
EXEMPLIFIED IN RUSSIAN
AND ENGLISH LANGUAGES)**

Abstract. This article examines complex sentences with time and duration meanings.

Keywords: *complex sentences, lexical semantics, Russian, English.*

About the Author: Mitina Galina Vladimirovna, Teacher of the 209 Chair of Foreign Languages.

Place of employment: Military Educational and Scientific Center of the Air Force "N.E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin Air Force academy" (Voronezh).

Вопросы описания устройства и классификации сложноподчиненных предложений продолжают оставаться предметом оживленных научных дискуссий, хотя в русском и английском языкознании они разрабатываются на протяжении более чем двух столетий [Пешковский 1956; Щеулин 1994; Холонина 2001; Блох 1983, Jespersen 1933]. Но, несмотря на обширность накопленных сведений и материалов, на широкий размах исследований, многие вопросы требуют серьезных усилий

для их адекватного решения. Сказанное относится, в частности, к сложноподчиненным предложениям со значением времени.

По традиции, восходящей к ранним описаниям русского языка, к сложноподчиненным предложениям со значением времени принято относить все образования, в которых придаточное предложение так или иначе характеризует время развертывания комплексной предметной ситуации. Данная точка зрения последовательно проводится в академической грамматике русского языка (1980), в научных работах частного характера В. А. Белошапкова (1977), М.И. Черемисина, Т.А. Колосова (1987).

Во второй половине XX века наметилась тенденция к дифференциации временных значений. Так, временные значения различаются с учетом функции союзных средств, которые могут обозначать либо момент времени, либо длительность реализации действия комплексной ситуации. Впервые на этот факт обратила внимание Э.И. Коротаева, высказавшая следующее мнение: поскольку подчинительные союзы в составе сложного предложения являются не только связующими элементами, но и квалификаторами отношений, постольку разграничение названных групп союзов оказывает определенное влияние на интерпретацию семантики сложноподчиненных предложений [Коротаева 1964: 34, 41, 83-84]. Однако отнесение структур с союзами собственно временными и длительности к различным типам предложений автор не считает целесообразным, придерживаясь в этом вопросе традиционной точки зрения.

Е.С. Скобликова, анализируя обстоятельства времени, напротив, выделяет следующие их разновидности: «во-первых, обстоятельства, выражающие временную приуроченность описываемых явлений, – обстоятельства датировки (в широком понимании); во-вторых, обстоятельства, выражающие продолжительность действий или состояний, обстоятельства меры времени» [Скобликова 1979: 251]. К первой разновидности ею были отнесены обстоятельства типа сегодня, в этот день, вчера, до зари, после полудня, скоро и т.д., ко второй группе – обстоятельства типа долго, два дня, за месяц, на минуту и им подобные.

Позднее эти наблюдения были перенесены на уровень синтаксиса сложного предложения в работах С. А. Шуваловой (1990), Н. А. Аверьяновой (2004), Е. Г. Скребовой (2017) и др.

Здесь с некоторыми оговорками и с разной степенью последовательности сложноподчиненные собственно временные предложения, фиксирующие момент, **когда** осуществлялась комплексная предметная ситуация, противопоставляются сложноподчиненным предложениям, указывающим на то, **как долго** реализовывалась комплексная предметная ситуация. Ср.:

Когда военные вошли в зал, все к ним обернулись (В. Аксенов); *Еще до того, как сходились хозяева, обе собаки бежали друг к другу и коротко беседовали на собачьем языке жестов и взглядов* (Г. Троепольский); *Да, они вот так же бежали по ноябрьскому облетевшему лесу, прозрачному и звонкому, уже готовому принять снежный саван – после того, как Виктора слегка засыпало в каком-то овраге* (С. Лукьяненко);

С тех пор как Федор окончил институт, привычная, обжитая Москва стала чужбиной (В. Тенряков); *Пока мне хорошо, я здесь* (С. Довлатов); *Отгораживаться сосредоточенным изучением сигаретной пачки у него получалось до тех пор, пока к взглядам не добавилось перешептывание* (П. Санаев).

В английском языкознании сложился иной подход к дифференциации сложноподчиненных предложений со значением времени. Временные значения различаются с учетом функции репрезентирующих их языковых средств. В частности, Л. С. Бархударов, изучая обстоятельства со значением времени, отмечал «различный характер протекания действия», на который указывают не глаголы, а именно обстоятельства времени. Однако свое адекватное выражение семантика длительности получает в пределах темпоральных форм глаголов, поскольку данная характеристика глаголов позволяет элиминировать специфику длительности. Употребление говорящим сказуемого в форме Continuous придает комплексной предметной ситуации предложения длительно-временное значение (см. [Там же]).

Аналогичную точку зрения высказывает в своих учебных пособиях М. Я. Блох. Противопоставляя темпоральные формы глаголов Simple и Continuous, он устанавливает тот факт, что одной из ключевых специализаций формы Continuous является указание на длительность действий, событий, явлений: «an utterance like “now while I am speaking” breaks the notion of the zero time proper, since the speaking process is not a momentary, but a durative event”» [Блох 1983: 383]. При этом ученый не учитывает семантику союзных средств, хотя из приведенного в цитате примера следует, что союз *while* имеет большую смысловую нагрузку.

В современных грамматиках английского языка дается широкий обзор предлогов и союзных средств, репрезентирующих длительно-временные значения.

Практическое пособие Collinse Cobuild English Grammar (2011) представляет следующую классификацию наречий и обстоятельственных оборотов, специализирующихся на выражении длительности событий. Для того чтобы описать, как долго осуществляется ситуация используются следующие наречия: *always, briefly, forever, indefinitely long, overnight, permanently, temporarily*.

В ходе рассмотрения обстоятельственных оборотов с семантикой длительности, авторы пособия отмечают, что в зависимости от выбора говорящим того или иного предлога обстоятельственные обороты могут указывать на длительность действий, событий (*for hours, for along time, decade after decade*), срок осуществления действий, событий (*in ten minutes, within a few months, the whole of my first year*), на начальную или конечную границу длительности действий, событий (*by 11 o'clock, till tomorrow*).

В другом известном грамматическом пособии English Grammar in Use R. Murphy отдельный блок посвящен предлогам и союзам времени. Они, в свою очередь, подразделяются на семантические группы, означающие период, в течение которого происходит действие (*for, during* и *while*), начальные и конечные пределы реализации ситуации (*by, till/until*). Ср.:

I fell asleep while I was watching TV; I stayed at bed until half past ten and I'll phone you sometime during the afternoon; Are you going away for the weekend?

Из приведенного выше краткого обзора дифференциации языковых средств со значением длительности следует, что в английской языковой традиции принято выделять значение длительности на лексическом и морфологическом уровнях. На уровне синтаксиса конструкции с длительно-временным значением не вычлняются в самостоятельный тип предложений.

В нашей работе мы предлагаем рассматривать сложноподчиненные предложения с длительно-временным значением в качестве отдельного класса подчинительных конструкций. В них функционирует целый комплекс языковых средств разных уровней, специализирующийся на выражении длительно-временной семантики, а именно: союзы – лексические средства, специально предназначенные для выражения семантических отношений между двумя и более (в зависимости от состава комплексной предметной ситуации) семантическими объектами, кодируемыми с помощью предложений; категории способов глагольного действия, в пределах которой группируются все акциональные значения, определенным образом воздействующие на функционирование грамматических форм времени, темпоральности, представляющей собой систему противопоставленных друг другу рядов грамматических форм с дифференциальными признаками одновременности, предшествования и следования по отношению к моменту речи или иной исходной точке отсчета.

В зависимости от семантического диапазона языковых средств, различаются следующие типы русских сложноподчиненных длительно-временных предложений: сложноподчиненные длительно-временные предложения со значением срока существования действия: *Ну да мол, пока нет Достоевского – отыгрываюсь на Проханове.* (З. Прилепин), сложноподчиненные длительно-временные предложения со значением срока осуществления действия: *Пока генерал смеялся, Тулин снова вернулся к проблеме: необходимо научиться находить центры грозы, с тем чтобы воздействовать на них.* (Д. Гранин), сложноподчиненные

длительно-временные предложения со значением срока сохранения результата действия: *Игровой перерыв решили продлить ещё на десять минут, пока тренер будет беседовать со своей командой* (Ю. Нагибин).

Собранный и проанализированный фактический материал показывает, что в английском языке (в отличие от русского языка) функционируют только два типа сложноподчиненных длительно-временных предложений: сложноподчиненные длительно-временные предложения со значением срока существования действия: *That first year, Creevey, was annoying Potter at the Quidditch match, taking pictures of him while he was lying in the mud* (J.K. Rowling); *Pellets of ice stung Shadow's face, while the rain soaked the thin overcoat and they walked toward the yellow ex-school bus that would take them to the nearest city* (N. Gayman), сложноподчиненные длительно-временные предложения со значением срока осуществления действия: *Some days I've woken up and it's all been like a dream, till I went down again.* (J. Fowles); *Martin moved about, looking at the other patients while his patient fretted on his plastic chair* (S. Fry).

Как показывает анализ фактического материала, в русском и английском языках на лексическом, морфологическом, синтаксическом уровнях существуют средства, специализирующиеся на выражении значения длительности. К таким средствам относятся наречия и союзы длительности, глаголы с акциональным значением длительности, темпоральные формы глаголов, по-разному интерпретирующие идею длительности, обстоятельственные обороты и сложноподчиненные длительно-временные предложения.

В процессе исследования было выявлено, что в русском языке существует три типа сложноподчиненных длительно-временных предложений: сложноподчиненные предложения со значением срока существования действия, сложноподчиненные предложения со значением срока осуществления действия, сложноподчиненные предложения со значением срока сохранения результата действия. В английском языке, напротив, представлены только два типа сложноподчиненных длительно-временных предложений, а именно: сложноподчиненные

предложения со значением срока существования действия, сложноподчиненные предложения со значением срока осуществления действия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аверьянова Н. А. Семантика длительности в русском языке. – Волгоград: Изд-во ВолГТУ, 2004. – 158 с.
- Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М.: «Международ. отношения», 1975. – 240 с.
- Белошапкина В. А. Современный русский язык. Синтаксис. – М.: Высшая школа, 1977. – 248 с.
- Блох М. Я. Теоретическая грамматика английского языка: учебник для студентов филол. фак. ун-тов и фак. англ. яз. педвузов. – М.: Высшая школа, 1983. – 383 с.
- Холонина Н. А. Сложноподчиненные предложения, выражающие причинно-следственные отношения (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж: ВГУ, 2001.
- Коротаева Э. И. Союзное подчинение в русском литературном языке XVII ВЕКА. – М.: Наука, 1964. – 250 с.
- Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. – 7-е изд. – М.: Учпедгиз, 1956. – 511 с.
- Русская грамматика: в 2 т. – М.: Наука, 1980. – Т. 2: Синтаксис. – 709 с.
- Скобликова Е. С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. – М.: Просвещение, 1979. – 236 с.
- Скребова Е. Г. Семантико-функциональное описание временных и пространственных сложноподчиненных предложений в современном немецком языке. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. – 300 с.
- Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. – Новосибирск: Наука, 1987. – 197 с.
- Шувалова С. А. Смысловые отношения в сложном предложении и способы их выражения. – М.: МГУ, 1990. – 159 с.
- Щеулин В. В. Сложноподчиненные предложения, их структурно-семантические и функциональные свойства в аспекте понятия синтаксического поля. – Липецк: ЛГПИ, 1994. – Ч. 3. – 119 с.

УДК 81'27(091)

Соколова А. Ю.

Тверь, Россия

**ВЛИЯНИЕ
ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИ
Х ФАКТОРОВ НА РАЗВИТИЕ
ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ
ИЗМЕНЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ
СИТУАЦИИ В АНГЛИИ
В X-XV ВВ.)**

Аннотация. Развитие языка – это сложный процесс. Наряду с внутренними объективными закономерностями языкового развития, внешние факторы оказывают значительное влияние на развитие языка. В статье рассматривается воздействие экстралингвистических факторов на развитие языка на примере изменения языковой ситуации в Англии в X-XV вв.

Ключевые слова: развитие языка, интралингвистические факторы, экстралингвистические факторы, языковая ситуация.

Сведения об авторе: Соколова Алина Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных и латинского языков.

Место работы: Тверской государственный медицинский университет.

Контактная информация: 170100, г. Тверь, ул. Советская, д. 4.
e-mail: alinasokolova.tver@yandex.ru

Код ВАК 10.02.04

Sokolova A. Yu.

Tver, Russia

**THE INFLUENCE OF
EXTRALINGUISTIC FACTORS
ON THE DEVELOPMENT OF
THE LANGUAGE (ON THE
EXAMPLE OF LANGUAGE
SITUATION CHANGE IN
ENGLAND IN THE X-XV
CENTURIES).**

Abstract. Language development is a complex process. Along with the internal objective laws of language development, external factors have a significant impact on the development of the language. In the article the impact of extralinguistic factors on the development of the language on the example of the language situation change in England in the 10th-15th centuries is analyzed.

Keywords: language development, intralinguistic factors, extralinguistic factors, language situation.

About the Author: Sokolova Alina Yurievna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Foreign and Latin Languages.

Place of employment: Tver State Medical University.

Развитие языка – это сложный и специфический процесс, на который оказывают влияние различные факторы. Традиционно эти факторы классифицируются как внешние (экстралингвистические) и внутренние (интралингвистические).

Экстралингвистические факторы – это, в первую очередь, социальные факторы, воздействующие на функционирование и развитие языка. К ним относятся такие исторические события, как социальные перемены, войны, миграции, культурные контакты.

Наряду с внутренними объективными закономерностями языкового развития, конкретные социально-экономические, историко-культурные, географические, политические условия определяют статус и взаимодействие языков или форм в конкретную историческую эпоху, оказывают значительное влияние на развитие языка.

Для цельного описания развития языковой системы в определенный исторический период и её подверженности различным факторам необходимо изучение языковой ситуации. Её анализ помогает объективно оценить стадию развития языкового процесса или явления.

Завоевание Англии норманнами в 1066 г. было поворотным пунктом в истории Англии и оказало значительное влияние на английский язык. В течение нескольких лет, подавив многочисленные восстания в различных частях Англии, норманны стали полновластными хозяевами страны. Правящий слой англо-саксонской феодальной знати почти совершенно исчез. Место этой знати заняли норманнские бароны, которые говорили на французском языке. Таким образом, в результате норманнского завоевания в Англии появился чужеземный правящий слой. Все посты в церкви, начиная с аббатов, замещались представителями французской культуры. Как указывает К. Бруннер, в 1087 году святой Вульфстан Вустерский был единственным английским епископом. После 1220 года влияние французской культуры и языка усилилось в связи с появлением большого числа нищенствующих монашеских братств [Бруннер 1955: 132]. Французы стали массами прибывать в Англию. Среди них были представители различных профессий.

В течение нескольких столетий после завоевания господствующим языком в Англии был французский язык. Он был языком двора, правительства. Судебных учреждений, так как среди дворян и вассалов господствовали выходцы из

Франции. Английский язык был оттеснен в более низкую социальную сферу: на нем говорила основная масса крестьян и городского населения.

Падение роли английского языка в общественной жизни Англии отразилось на английской письменности. В течение XII и первой половины XIII в. литература на английском языке была в глубоком упадке. Большинство письменных памятников этой эпохи написаны на латинском и французском языках. Таким образом, английский язык после литературного расцвета англосаксонской эпохи «опускается при норманнах на положение языка бесписьменного, если не считать нескольких произведений более или менее случайного характера, вышедших из среды низшего духовенства» [Жирмунский 1936: 23].

Существование в стране двух языков создало ситуацию, при которой они неизбежно должны были вступить между собой в оппозицию, а с другой стороны – оказать друг на друга сильное влияние; XII, XIII и XIV столетия отражают этот процесс. Результаты его были двоякие: 1) противостояние между французским и английским языками окончилось в конце XIV в. превосходством последнего, но 2) английский язык вышел из этого процесса в значительно измененном виде.

После норманнского завоевания 1066 г. с XI по XIII вв. языковая ситуация в Англии представляла собой противопоставление французского языка территориальным диалектам. Французский язык стал господствующим практически во всех сферах коммуникации: в церкви, в законодательстве, в образовании, в высшем свете, оставляя за английским языком только сферы устного общения самых низших сословий. Не существовало никакой возможности параллельного использования языков. Этот факт свидетельствует о диглоссийной ситуации. Такой вывод можно сделать, опираясь на приведенные Б. А. Успенским характеристики диглоссии [Успенский 2002: 24].

В XIII-XIV вв. языковая ситуация меняется. Уже тот факт, что появляются переводы с французского и латинского на английский язык («Угрызения совести» Дана Мичеля – перевод «Le somme des Vices et des Vertus» французского монаха Лоренса; Polychronicon Джона Тревизы – перевод одноименного

труда Ранульфа Хигдена), свидетельствует о разрушении диглоссии. В 1258 году появляется «Воззвание» Генриха III, составленное как на английском, так и на французском языках. Таким образом в этот период, в Англии сосуществовали два практически равноправных и эквивалентных по функции языка. Ситуация двуязычия являлась переходным моментом [Бруннер 1955: 148].

Позиция английского языка все больше укреплялась, а сферы его применения расширялись. В указах 1258 и 1267 годов король обязался больше не предоставлять постов французам. Господство французского языка прекращается во второй половине XIV в. К.Бруннер связывает это с начавшейся в 1339 году столетней войной. Знание французского языка становится уже не обязательным, но все же желательным, так как идет война с Францией. В 1363 году открытие парламента впервые ведется на английском языке, что становится постоянной традицией после 1377 года. Петиции к парламенту до 1425 года составляются на французском языке; первое частное завещание на английском языке было датировано 1383 годом. Но до 1400 года таких завещаний встречается очень мало. Часто английский, французский и латинский языки совместно используются в документах.

Лишь в XV в. английский язык вытесняет французский: преподавание в школах, открытие и заседания парламента ведется на английском. Но это уже совсем другой язык.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бруннер Карл. История английского языка / пер. с нем. С. Х. Васильевой; под ред. и с предисл. Б. А. Ильиша. – М.: «Издательство иностранной литературы», 1955. – Т. 1. – 392 с.
- Жирмунский В. М. Национальный язык и социальные диалекты. – Л.: «Гослитиздат», 1936. – 297 с.
- Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI-XVII вв.). – М.: «Аспект Пресс», 2002. – 558 с.

УДК 811.111'373.72

Федуленкова Т. Н.

Владимир, Россия

**СИНОНИМИЯ ПОСЛОВИЦ
КАК ИХ ПРАГМАТИКО-
СТИЛИСТИЧЕСКИЙ
ПОТЕНЦИАЛ
(НА МАТЕРИАЛЕ
СОВРЕМЕННОГО
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

Аннотация. Парадигматические отношения английских коммуникативных фразеологизмов (КФЕ) характеризуются разветвленной системой синонимов с рядом имплицитных компонентов значения. На примере одной синонимичной группы КФЕ, объединенных семантикой «необходимости выбора из двух противоположностей», выясняется их прагматико-стилистический потенциал. В основе работы – метод фразеологической идентификации А. В. Кунина.

Ключевые слова: фразеология английского языка, синонимия, фразеологизмы, стилистический потенциал.

Сведения об авторе: Федуленкова Татьяна Николаевна, член Российского Профессорского собрания, член-корр. РАЕ, доктор филологических наук, профессор кафедры ИЯПК.

Место работы: Владимирский государственный университет.

Контактная информация: 600000, г. Владимир, ул. Горького, д. 87.
e-mail: fedulenkova@list.ru

Код ВАК 10.02.01

Fedulenkova T. N.

Vladimir, Russia

**SYNONYMY OF PROVERBS
AS THEIR PRAGMATIC-
STYLISTIC POTENTIAL
(ON THE MATERIAL OF
MODERN ENGLISH)**

Abstract. The paradigmatic relations of the English communicative phraseological units (CPUs) are characterized by the branched system of synonyms with a number of implicit components of meaning. On the example of one synonymous group of CPUs united by semantics of ‘need of the choice from the two contrasts’ their pragmatic-stylistic potential becomes clear.

The analysis is based on the method of phraseological identification introduced by Alexander V. Kunin.

Keywords: phraseology of English, synonymy, phraseological units, stylistic potential.

About the Author: Fedulenkova Tatiana Nickolaevna, member of the Russian Professorial Assembly, RANH correspondent member, Doctor of Philology, Professor for the Chair of Foreign Languages PC.
Place of employment: Vladimir State University.

На современном этапе развития языкознания нет необходимости доказывать бесспорность принадлежности

пословиц к фразеологическому фонду языка. В настоящее время проблема включения пословиц в состав фразеологических единиц (ФЕ) считается решенной [Dobrovolskij 2017: 196], и большинство лингвистов, специализирующихся в области фразеологии, высказываются, вслед за проф. А. В. Куниным [Кунин 2005: 432], в пользу отнесения пословиц к коммуникативным фразеологическим единицам [Зимин 2017: 54; Алефиренко 2017: 14].

В своем исследовании мы придерживаемся фразеологической концепции проф. А. В. Кунина, согласно которой выделяется четыре класса фразеологических единиц в современном английском языке [Кунин 1970: 318] и один из этих классов объединяет пословицы и поговорки [Кунин 1972: 240], т. е. коммуникативные фразеологические единицы (КФЕ). Характерным признаком фразеологических единиц А. В. Кунин считает наличие коэффициента фразеологической устойчивости не ниже минимальной. Следовательно, любое предложение, удовлетворяющее этому критерию, является фразеологической единицей. Что касается пословиц, то они изучаются как единицы фразеологического фонда языка, обладающие своеобразными семантическими и структурными особенностями и специфическими функциями.

Считаем, что важнейшей семантической характеристикой коммуникативной фразеологической единицы, как и всякой другой фразеологической единицы, является глобальная трансформация ее компонентного состава, т. е., иными словами, основу формирования ее семантики составляет переосмысление значения компонентов словосочетания, послужившего генетическим прототипом данной ФЕ. Это значит, что значение всей коммуникативной фразеологической единицы, в данном случае – пословицы, не есть сумма значений составляющих ее специфически употребленных слов. Так, например, значение пословицы *Two blacks do not make a white* (букв.: два черных не делают белого) определяется дефиницией: *one cannot justify a wrong action by saying that another has done something similar or by pleading revenge for a wrong done to oneself* (А. Р. Cowie, p. 570) и смысл ее может быть эксплицирован посредством таких русскоязычных

эквивалентов, как «из зла добра не родится», «собаку в ответ не кусают» и др., см. контекст:

He said mantraps were illegal. 'So's poaching,' I reminded him. And then he started some dunderheaded argument about two blacks not making a white or two whites not making a black (С. Mackenzie, *The Rival Monster*) – Он сказал, что ловушки для человека незаконны. «И браконьерство тоже», – напомнил я ему. И тогда он затеял какой-то глупый спор о том, что из двух черных лоскутов не сошьешь белого и наоборот (пер. – Т. Ф.)

Хотя пословицы являются переосмысленными фразеологическими единицами, чаще всего значение их мотивировано, т.е. получатель информации может догадаться, о чем ему хотели сообщить. Так, пословица *When the cat is away the mice will play* (букв.: когда кота нет, мыши гуляют) является полностью переосмысленной, но при этом мотивированной КФЕ, поскольку вполне прозрачным является в ней противопоставление сильной и слабой стороны и их взаимоотношений. Значение рассматриваемой КФЕ эксплицируется следующей словарной дефиницией: *when the person in authority is away, those under him will take advantage of his absence* (R. Ridout, p. 175), а использование редуцированного окказионального варианта этой КФЕ [Федуленкова 2005: 218] усиливает ее прагматико-стилистический эффект, например:

What noise was that? Gramophone going in the kitchen! When the cat was away, the mice – ! (J. Galsworthy, *The White Monkey*) – Что это за шум? Граммофон гремит на кухне. Когда кошки дома нет, мышам – !

Очевидна также мотивированность пословицы *You cannot have your cake and eat it* (букв.: вы не можете сохранить свой торт и съесть его), так как лежащее в ее основе словосочетание обозначает взаимоисключающие действия. Значение данной КФЕ имеет следующую словарную трактовку: *This is sometimes given as: 'You cannot eat your cake and have it.' They both mean the same thing, which is that if a choice has to be made between alternatives, you must have one or the other, not both. Again you can't spend your money and save it at the same time* (R. Ridout, p. 181), например:

You say this Mullins woman is too young and inexperienced to corrupt Cy. Well then, she's too young and inexperienced to teach him, too, one or t' other, you can't have your cake and eat it! (S. Lewis, Main Street) – Вы говорите, что эта Маллинз очень молода и неопытна и не может испортить Сая. Ну, хорошо, в таком случае, она слишком молода и неопытна, чтобы учить его. Одно исключает другое.

Взаимоисключаемость двух действий подчеркивается также и содержанием коммуникативной фразеологической единицы *You cannot burn the candle at both ends* (букв.: нельзя жечь свечу с обоих концов), значение которой эксплицируется следующей словарной дефиницией: *You cannot do two opposite things at one and the same time; you cannot exhaust your energies in one direction, and yet reserve them unprepared for something else; if you go to bed late you cannot get up early* (R. Ridout, p. 180), например:

'I've got to get this ironing done', said Mrs Mills. – 'But it's after midnight', protested her husband. 'Far better come to bed, and do the ironing in the morning. Burning the candle at both ends isn't good for you'. (R. Ridout, p. 180) – «Мне нужно еще погладить это белье», – сказала миссис Милз. – «Но уже за полночь», – запротестовал ее муж. – «Иди лучше спать, а утром погладишь. Поздно ложиться и рано вставать – вредно для тебя».

Необходимость выбора из двух противоречивых действий подчеркивается и содержанием английской пословицы *You cannot sell the cow and sup the milk* (букв.: ты не можешь продать корову и пить ее молоко), трактовку которого находим в следующем словарном толковании: *you cannot enjoy the milk and have at the same time the advantage of the money got for the cow; in other words, you must have one thing or the other, not both* (R. Ridout, p. 183).

На невозможности удержать две альтернативы построено содержание пословицы *You cannot have it both ways* (букв.: вы не можете идти обоими путями), значение которой дефинируется следующим образом: *you may not choose First one and then the other alternative in order to suit your own convenience; it is often used in argument when an opponent shifts his ground* (R. Ridout, p. 181), например:

You must choose between a low rate of interest but security for your capital, and a higher rate of interest with the attendant risks; you cannot have it both ways. (Wood, p. 147) – Вы должны сделать выбор между надежным капиталовложением с низкой процентной ставкой и более рискованным капиталовложением, но с более высокой процентной ставкой. Надежность и высокий процент не совместишь.

Семантика пословицы *You cannot run with the hare and hunt with the hounds* (букв.: вы не можете убежать с зайцем и охотиться вместе с гончими) построена на отрицании попытки совместить несовместимые, взаимоисключающие действия. Словарная дефиниция информирует читателя о результирующем значении компонентов рассматриваемой пословицы, подчеркивающим несовместимость преданности и предательства в качестве одновременных характеристик лица: *Figuratively, 'running with the hare and hunting with the hounds' is the deceitful behaviour of one who fights on one side and gives secret help to the other side. Terms for these traitors to the cause are 'double-dealers' and 'double-crosses'. A very old saying, dating back to the fifteenth century, is: 'Thou hast a crooked tongue, holding with the hound and running with the hare.' Invariably these tricksters are found out; they should be loyal to one side or the other.* (R. Ridout, p. 183), см. контекстуальный пример:

'You ought to know best', he said, 'but if you want a divorce it's not very wise to go seeing her, is it? One can't run with the hare and hunt with the hounds. (J. Galsworthy, In Chancery) – «Вам лучше знать», – сказал он, «но если вы хотите развода, вряд ли разумно бывать у нее, не так ли? Нельзя быть и охотником, и дичью сразу».

Завершая описание синонимичного ряда пословиц современного английского языка с инвариантным значением-гиперонимом «необходимости выбора из двух противоположностей или противоречий», отмечаю, что к этому ряду могут быть отнесены также следующие коммуникативные фразеологические единицы:

а) пословица *No man can serve two masters* (букв.: ни один человек не может служить двум хозяевам), значение которой дефинируется как *A man with two employers cannot be faithful to*

both. Nor can a man support two conflicting causes. The source is Mathew, VI, 24: 'No man can serve two masters; for either he will hate the one, and love the other; or else he will hold to the one, and despise the other. (R. Ridout, p. 128);

б) пословица *A door must be either shut or open* (букв.: дверь должна быть либо закрыта, либо открыта), значение которой имеет следующее словарное толкование: *you cannot have it shut and open at the same time; you must have one thing or the other, so make up your mind which you want* (R. Ridout, p. 56);

в) пословица *You cannot serve God and mammon* (букв.: вы не можете служить богу и маммоне), значение которой эксплицируется следующей словарной дефиницией: *Mammon is the god of riches. You must choose between godliness and worldliness.* (R. Ridout, p. 183).

В современном английском языке трудно обнаружить такие пословицы, которые не входили бы в состав того или иного синонимического ряда. Парадигматические отношения английских КФЕ характеризуются разветвленной системой синонимов с различными имплицитными компонентами значения [Кунин 1986: 20], что значительно укрепляет их прагматико-стилистический потенциал.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алефиренко Н. Ф. Когнитивно-прагматическая природа паремии / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семененко // Пословицы в фразеологическом поле: когнитивный, дискурсивный, сопоставительный аспекты: монография / Н. Ф. Алефиренко [и др.]; под ред. проф. Т. Н. Федуленковой. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2017. – С. 14-53.

Зимин В. И. Разъяснение значений пословиц и поговорок: опыт медленного прочтения // Пословицы в фразеологическом поле: когнитивный, дискурсивный, сопоставительный аспекты: монография / Н. Ф. Алефиренко [и др.]; под ред. проф. Т. Н. Федуленковой. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2017. – С. 54-68.

Кунин А. В. Английская фразеология: Теоретический курс. – М.: Высш. шк., 1970. – 344 с.

Кунин А. В. Имплицитность – один из системообразующих факторов фразеологической семантики: Об имплицитном

компоненте фразеологического значения // Сб. науч. тр. МГИИЯ им. М. Тореза. – М., 1986. – С. 20-28.

Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. – Дубна: Феникс+, 2005. – 488 с.

Кунин А. В. Фразеология современного английского языка. – М.: Международные отношения, 1972. – 288 с.

Федуленкова Т. Н. Стилистическая валидность фразеологической апокопы // Стилистика и теория языковой коммуникации: Материалы докл. междунаро. конф., посвященной 100-летию со дня рождения проф. МГЛУ И. Р. Гальперина. – М., 2005. – С. 218.

Dobrovol'skiĭ D. Proverbs and Sentential Phrasemes of other Types // Пословицы в фразеологическом поле: когнитивный, дискурсивный, сопоставительный аспекты: монография / Н. Ф. Алефиренко [и др.]; под ред. проф. Т. Н. Федуленковой. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2017. – С. 196-204.

ФРАЗЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Cowie A. P., Mackin R., McCaig I. R. Oxford Dictionary of Current Idiomatic English. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – V. 2: Phrase, Clause and Sentence Idioms. – 685 p.

Fergusson R. The English Dictionary of Proverbs. – London: Claremont Books, Market House Books Ltd, 2001. – 331 p.

Ridout R., Witting C. English Proverbs Explained. – London, Sydney: Pan Books, 2000. – 224 p.

УДК 811.112.2'367.7

Ханнанова Д. М.
Альметьевск, Россия
СЕМАНТИКА
МОДАЛЬНЫХ СВЯЗОК
(на материале немецкого языка)

Аннотация. В статье показывается, что модальные связки имеют сложную семантическую структуру.

Ключевые слова: модальная связка, модальность, лексическая семантика, лексические значения, немецкий язык.

Сведения об авторе: Ханнанова Дина Мунировна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков и перевода.

Место работы: Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова, (филиал) г. Альметьевск.

Контактная информация: 432450, г. Альметьевск, ул. Тимирязева, д. 43
e-mail: val_dina@mail.ru

Код ВАК 10.02.19

Khannanova D. M.
Almetyevsk, Russia
THE SEMANTICS
OF MODAL COPULA VERBS
(on the material of the German language)

Abstract. The article shows that the modal copular verbs have a complex semantic structure.

Keywords: modal copular verb, modality, lexical semantics, lexical meanings, German.

About the Author: Khannanova Dina Munirovna, Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Chair of Foreign Languages and Translation.

Place of employment: Kazan innovative university named after V. G. Timiryasov, (branch) Almetyevsk.

Все известные семантические классификации связочных глаголов обязательно различают группу модальных связок. Особенностью модальных глагольных связок является то, что помимо констатации связи между предметом и предикативным признаком, они выражают дополнительную модусную информацию, содержат указание на наблюдающего субъекта, т. е. выступают в предложении выразителями модусной категории авторизации, которая квалифицирует источник информации [Шмелева 1988: 35]. На ее основе модальные связки развивают способность к выражению квалификативной категории персуазивности, содержащей оценку информации говорящим с точки зрения ее достоверности [там же: 37].

Поэтому все модальные связки можно распределить по двум общим модальным квалификациям: глаголы, выражающие значение мнимости/кажимости и глаголы обнаружения

подлинности признака, приписываемого предмету. Если связки со значением мнимости/кажимости выражают сомнение говорящего в подлинности связи между предметом и его признаком, то связки со значением обнаружения чаще всего указывают на преодоление говорящим этого сомнения [Лекант 1985: 94]. Доминантной связкой первой группы является глагол *scheinen*, центральным элементом второй – глагол *sich erweisen*.

В пределах указанных модусов различаются значения более конкретного характера. Так, например, глагол *scheinen* может выражать такие частные модусные ситуации, как субъективное восприятие, нечеткое восприятие, иллюзорное восприятие, неуверенное мнение, «внутреннее» зрение, оценочное мнение, эвиденциальность [Семенова 2007: 19], например: *Nie schien mir Lieblig edler, zärtlicher und niemals schöner* (W. Schmidli), *Die Gegend schien menschenleer* (A. Seghers), *Tschanz schien etwas unsicher* (F. Dürrenmatt), *Mutters Augen scheinen verändert* (E. Strittmatter), *Otto liebte das Leben; es schien ihm herrlich* (A. Zollinger).

Связка *sich erweisen* будучи связкой обнаружения подлинности признака, может подтвердить наличие у субъекта ожидаемого признака: *Auch die Meldung erwies sich als richtig* (E. Neutsch), а также может оценивать предикативный признак как несоответствующий чьим-то представлениям, очевидным в результате непосредственного наблюдения, восприятия, умозаключения, представлять признак как противоречащий с чьим-то мнением, либо с личными прогнозами и ожиданиями: *Zu unseren, zu ihrer Verblüffung erweist sich Jerem als brillianter Rechner* (E. Neutsch), *Guldenberg erwies sich als Ende meines Weges* (C. Hein).

Как видим из примеров, перечисленные значения глаголов могут поддерживаться контекстуально, за счет семантики слов: *auch, etwas, nie, zu unserer/ihrer Verblüffung, mir, ihm*.

Помимо этого, связка *scheinen* как функционально-связочный глагол зрительного восприятия акцентирует внимание на зрительных ощущениях. В качестве признака может выступать общая характеристика и отдельные физические свойства предмета – форма, объем, размер, цвет, т. е. свойства, включенные в когнитивный контекст зрительного

восприятия [Меркулова 2004: 14]. Глаголы *sehen/sich sehen, aussehen*, входящих в эту же группу модальной квалификации также профилируют визуальное восприятие, усиливающееся за счет сохраненного ярко выраженного собственного лексического значения: *Sie sehen sich ähnlich wie ein Ei dem ändern* (фразеол.), *Sie sah schön aus* (C. Wolf). Синонимичные в значении «быть похожим, походить» глаголы *ähneln* и *gleichen* репрезентируют еще более конкретное проявление признака, основывающегося на схожести и похожести сравниваемых предметов, представляя собой своего рода результат контаминации связки *sein* и прилагательных *ähnlich* и *gleich*, что определяет появление в качестве именного компонента существительного, семантически соотносимого с подлежащим: *Die Radspeichen ähnelten zerwühltem, borstigem Haar* (J. Federspiel), *Die kleine Frau glich einer Wachsfigur* (H. Bastian).

Другие глаголы, входящие в группу модальной квалификации мнимости и кажимости, могут профилировать другие признаки. Так, например, глагол *schmecken* акцентирует внимание на вкусовых ощущениях в момент восприятия признака, глаголы *riechen, stinken, duften* на обонятельных ощущениях, при этом субъектом чаще выступает неодушевленный предмет или субстанция, запах или вкус которых представляют интерес для человека [там же: 15]. У глагола *stinken* дифференциальным признаком является сема неприятного запаха, в то время как глагол *duften* содержит эмоциональный оттенок приятности: *... dieses verfluchte Wasser, das nach Chemie stank* (C. Wolf), *Es duftete nach abgelagertem Zigarrenqualm* (E. Strittmatter).

Таким образом, семантика модальных связок обладает сложной структурой. Первичный смысловой слой всех модальных связок образует понятие оценки, которое может выражать значение мнимости/кажимости и значение обнаружения подлинности признака, приписываемого предмету. Каждый из общих модусов дифференцируется на частные модусные ситуации, поддерживаемые собственно лексическим значением модальной связки и контекстом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Валиева Д. М. Система связочных глаголов: дис. ... канд. филол. наук. – Пермь, 2006. – 153 с.
- Лекант П. А. Функции связок в русском языке // Русский язык в школе. – 1995. – № 3. – С. 90-95.
- Меркулова И. Н. Категория функционально-связочных глаголов в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2004. – 24 с.
- Попова Л. В. Модальные оттенки в семантике связочных глаголов именного сказуемого // Русский язык: система и функционирование. – Минск: РИВШ, 2009. – Ч. 2. – С. 119-122.
- Семенова Т. И. Лингвистический феномен кажимости (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Иркутск, 2007. – 35 с.
- Шмелева Т. В. Семантический синтаксис: текст лекций из курса «Современный русский язык». – Красноярск: Изд-во КГУ, 1988. – 53 с.

УДК 81'25:81'366:615.014

Шкрабо О. Н.

Минск, Беларусь

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА
ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ
ТЕРМИНОЛОГИИ**

Код ВАК 10.02.20

Shkrabo O. N.

Minsk, Belarus

**THE PECULARITIES OF
TRANSLATION OF
PHARMACEUTICAL
TERMINOLOGY**

Аннотация. В статье описывается собственный практический опыт перевода фармацевтической терминологии. Рассматриваются основные трудности, возникающие при переводе фармацевтических терминов.

Ключевые слова: перевод, фармацевтика, терминология, клинические исследования.

Abstract. The article deals with own practical experience in translation of pharmaceutical terminology. There are discussed the main difficulties occurring during translation of pharmaceutical terms.

Keywords: translation, pharmaceuticals, terminology, clinical studies.

Сведения об авторе: Шкрабо Ольга Николаевна, преподаватель кафедры теории и практики перевода, переводчик.

Место работы: Белорусский государственный университет.

Контактная информация: 220072, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Академическая, 25, каб. 901.

e-mail: olga_shkrabo@tut.by

About the Author: Shkrabo Olga Nikolayevna, lecturer of the Department of Translation Theory, translator

Place of employment: Belarusian State University.

Фармацевтическая индустрия в настоящее время приобретает все больший масштаб. По прогнозам IMS Institute for Healthcare Informatics к 2020 году планируется выпуск более 225 лекарственных средств [2]. По данным IMS Health, в 2017 году на средней и заключительной стадиях разработки находились 586 онкопрепаратов у 511 компаний [1]. Соответственно, вырастает объем документации, требующей перевода на иностранный язык для прохождения сертификации за пределами страны-производителя с целью последующей реализации продукта и его надлежащего применения.

Работа с такой специфической областью как фармацевтика предполагает определенное владение предметом или постоянные консультации со специалистом, но представляется возможным

определить общие правила перевода фармацевтической документации с указанием специфики перевода.

Предметом нашего исследования являются особенности перевода *обзоров данных о доклинических и клинических исследованиях*, объектом исследования становится собственно текст фармацевтической тематики.

Обзоры данных о доклинических и клинических исследованиях представляют собой достаточно большую часть заказов на перевод среди текстов подобной тематики, т.к. они являются документами, необходимыми для прохождения процедуры сертификации препарата в каждой конкретной стране.

Собственный практический опыт показывает, что со временем нарабатывается определенный словарь и даже набор клише для перевода текстов в области фармацевтики.

Первое, что хотелось бы отметить, это определенную устойчивую структуру таких обзоров. Пункты содержания обзоров, как правило, одинаковы во всех документах и их перевод зафиксирован в таких онлайн-словарях, как Мультитран (словари по фармацевтике и фармакологии), или их можно найти в обсуждениях на профессиональных переводческих онлайн-ресурсах типа proz.com. В качестве примера таких пунктов, можно привести следующие:

Overview of the Nonclinical Testing Strategy – Обзор стратегии доклинического тестирования

Product Development Rationale – Обоснование целесообразности разработки препарата

Overview of Biopharmaceutics – Обзор данных биофармацевтики

Впоследствии вырабатывается собственный глоссарий, включающий терминологию, которые чаще всего встречаются в переводе. Например, слово ‘drug’, которое мы переводим как лекарственное средство/вещество/препарат.

The drug should not be used in patients with known hypersensitivity to c. or any other excipient. - Препарат не следует применять для лечения пациентов с известной повышенной чувствительностью к ц. или другим вспомогательным веществам в его составе.

Определенные трудности вызывает перевод таких слов ‘application’ и ‘administration’, которые начинающие переводчики, как правило, пытаются перевести как «применение» и «введение», соответственно. На самом деле, в фармацевтической терминологии ‘application’ – это заявка, т. е. документ. Например,

Our application is a “Generic Application” – Наша заявка подается как «Заявка на регистрацию генерического препарата».

Термин ‘administration’ переводится как «применение», «введение» в зависимости от контекста, и используется для описания способа использования лекарственного препарата (подкожно, на кожу внутримышечно, внутривенно и т. д.).

Некоторые термины, и как показывает опыт, таких терминов большинство, требуют развернутого, описательного перевода. Например, выражение ‘*in normal values*’ переводится как «в пределах диапазона нормальных значений», т. е. мы дополняем английский вариант термина, чтобы он корректно звучал по-русски, а не используем дословный вариант «в нормальных значениях».

При описании испытаний препарата используются такие термины, как ‘*in vitro*’ и ‘*in vivo*’. Эти термины допустимо оставить без перевода, т.к. это уже своего рода устойчивые выражения, пришедшие в язык из латыни, и известные в медицинской среде. Однако, в некоторых случаях требуется перевести текст на русский язык полностью, включая подобные термины, а также названия некоторых заболеваний и лекарственных трав, которые также в оригинале написаны на латыни.

В таком случае следует переводить эти термины следующим образом:

in vitro – в условиях вне живого организма

in vivo – в условиях на живом организме,

но не «в лабораторных условиях», т.к. оба типа исследования проводятся в лабораторных условиях и, если использовать этот вариант перевода, то будет непонятно в каких же конкретно условиях проводили исследование.

Также следует упомянуть термин ‘*population*’, который следует переводить как «группа исследования», «группа

пациентов», «пациенты»), но не как «популяция», т.к. последнее скорее относится к понятиям биологии. Например,

There is no data on dose adjustment in geriatric population. – Нет данных о корректировке дозы для пациентов пожилого возраста.

Определенную сложность при переводе представляют аббревиатуры. В некоторых документах встречается перечень аббревиатур и сокращений с расшифровкой, но, если такого перечня нет, переводчику следует использовать приведенные ниже способы перевода.

При наличии в языке релевантной аббревиатуры мы используем ее в переводе, не приводя при этом дополнительных объяснений и расшифровок. Например,

GIT – ЖКТ – перевод с использованием релевантной аббревиатуры

This review assesses the potential of lectins in the delivery of drugs and vaccines to the GIT. – В данном обзоре приводится оценка потенциала лектинов в отношении доставки лекарственных препаратов и вакцин в ЖКТ.

Если в русском языке не существует релевантной аббревиатуры, рекомендуется оставить оригинальную аббревиатуру без изменений, но в скобках или в сноске привести расшифровку или объяснение). Например,

WOMAC – индекс, основанный на данных анкеты, которая была разработана Университетом Западного Онтарио и Макмастера – аббревиатура не переводится, но приводится дополнительное объяснение, которое можно привести в скобках при первом упоминании аббревиатуры или сделать сноску.

WOMAC assesses pain, stiffness and physical function in persons with hip and/or knee osteoarthritis. – Индекс WOMAC представляет собой оценку боль, скованность и физическую функцию у лиц с остеоартритом бедра и/или колена.

Для терминов, которые не являются общеупотребительными, возможно привести расшифровку при первом упоминании термина в тексте:

NSAID – НПВП (нестероидные противовоспалительные препараты) – перевод с дополнительной расшифровкой

In this section the facts about NSAIDs like aspirin, ibuprofen and naproxen are discussed. – В данном разделе обсуждаются факты о нестероидных противовоспалительных препаратах (НПВП), таких как аспирин, ибупрофен и напроксен.

В текстах фармацевтической тематики часто встречаются аббревиатуры, обозначающие названия известных в этой сфере организаций, но не имеющих релевантных аббревиатур в русском языке. Такие аббревиатуры допустимо оставлять без перевода, указав расшифровку при первом упоминании:

FDA (Food and Drug Administration) – Управление по контролю за продуктами питания и лекарственными средствами США

The following database contains a listing of drugs approved by the Food and Drug Administration (FDA) for sale in the United States. – В базе данных содержится перечень лекарственных препаратов, утвержденных Управлением по контролю за продуктами питания и лекарственными средствами США.

В некоторых случаях следует привести полную расшифровку аббревиатуры, если, например, текст предназначен для широкой аудитории, которой данная аббревиатура может быть неизвестна, или если английская аббревиатура в тексте будет неуместна. Например:

Ph. Eur./EP (European Pharmacopeia) – Европейская фармакопея

Appropriate validation studies have been performed in accordance with the Ph. Eur. guidances. – Надлежащие валидационные исследования были проведены в соответствии с руководством Европейской фармакопеи.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что основные сложности представляет собой узкоспециальная терминология, перевод которой требует или специальных знаний, или консультаций со специалистом. При постоянной работе с такого вида переводами вырабатывается глоссарий, содержащий наиболее употребляемые термины, что существенно облегчает работы с текстами фармацевтической направленности. Также следует отметить, что отдельного внимания требует перевод аббревиатур, т.к. в большинстве

случаев в русском языке не существует релевантной аббревиатуры и переводчику приходится искать надлежащие способы и варианты перевода.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

IMS Health: Глобальные расходы на онкопрепараты превысят 150 млрд долл. к 2020 году // Первый независимый фармацевтический интернет-портал. – Режим доступа: <http://pharma.net.ua/analytic/analysis/15679-ims-health-globalnye-rashody-na-onkopreparaty-prevysjat-150-mlrd-doll-k-2020-godu> (дата обращения: 16.01.2018).

В 2020 году мир потратит на лекарства \$1,4 трлн // Vademecum. – Режим доступа: https://vademec.ru/news/2015/11/18/v_2020_godu_mir_potratit_na_lekarstva_1_4_trln/ (дата обращения: 16.01.2018).

УДК 811.161.1"73: 821.161.1-32(Бунин И. А.)

Код ВАК 10.02.01

Бугакова Н. Б.

Воронеж, Россия

«ЧИСТЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК»

И. А. БУНИНА:

ОСОБЕННОСТИ

ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

РЕЛИГИОЗНОЙ ЛЕКСИКИ

Аннотация. В статье анализируются особенности произведения И. А. Бунина с точки зрения русского языка, рассматриваются случаи употребления религиозной лексики, обусловившие некоторое своеобразие произведений этого автора; выявляется авторская специфика употребления религиозной лексики относительно национальной картины мира.

Ключевые слова: монастыри, русская литература, русские писатели, рассказы, религиозная лексика, авторское своеобразие, иконы, кресты, церкви.

Сведения об авторе: Бугакова Надежда Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации.

Место работы: Воронежский государственный технический университет

Контактная информация: 394048, г. Воронеж, ул. Междуреченская, 1а, к. 263

e-mail: ya_witch@mail.ru

Bugakova N. B.

Voronez, Russia

"NET MONDAY" I. A. BUNIN:

FEATURES OF THE

FUNCTIONING OF RELIGIOUS

LEXIS

Abstract. In the article the features of the work of IA are analyzed. Bunin from the point of view of the Russian language, cases of the use of religious vocabulary are considered, which caused some peculiarity of the works of this author; reveals the author's specificity of the use of religious vocabulary regarding the national picture of the world.

Keywords: Monasteries, Russian literature, Russian writers, stories, religious vocabulary, author's originality, icons, crosses, churches.

About the Author: Bugakova Nadeshda Borisovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Russian and cross-cultural communication.

Place of employment: Voronezh State Technical University

Все произведения И. А. Бунина являются зеркалом, отражающим сложную систему его духовно-нравственных

взглядов, его внутренней духовной жизни, системы ценностей, сформировавшихся как результат его довольно непростой судьбы. Творчество данного автора достаточно популярно, но особый отклик в сердцах читателей вызывает написанный в 1943-1946 гг. цикл новелл «Темные аллеи». Эта книга всегда провоцирует на неоднозначную реакцию, и читатели разделяются на тех, кто говорит, что это лучшие рассказы о любви в русской литературе, и тех, кто возмущен избытком эротических сцен.

Данное исследование является попыткой проанализировать язык произведений И. А. Бунина на примере одной из новелл цикла «Темные аллеи». Известно бережное отношение автора к русскому языку. Современники подчеркивали его особую тщательность в обращении со словом, говорили о болезненной щепетильности в построениях фраз. Вследствие этого произведения И. А. Бунина поражают эталонностью русского языка.

Но особенно нас заинтересовало немногочисленное использование религиозной лексики. Наиболее показательна в этом плане новелла «Чистый понедельник» цикла «Темные аллеи».

Традиционно принято считать, что «Чистый понедельник», как, впрочем, и все «Темные аллеи», – это повествование о любви, яркой, заметной, достойной отдельного рассказа о ней. Но известно, что И. А. Бунин отводил этому произведению гораздо большую роль в своем творчестве. Происходило это потому, в первую очередь, что сюжет отличался простотой, но при этом оригинальностью, так как речь в рассказе идет о любви совершенно противоположных людей: практичного, приземленного молодого человека и девушки, главной героини, которая, как нам кажется, находится в поисках себя. Она постоянно пребывает во внутренних противоречиях: с одной стороны, она ведет светский образ жизни, причем достаточно активный, она богата, молода, красива, у нее есть все предпосылки к тому, чтобы стать хорошей женой и матерью, но она к этому совершенно не стремится. Напротив, она живо интересуется религией, несмотря на свой образ жизни, пытается придерживаться определенных традиций и правил, связанных с религиозными праздниками, и даже любовь не удерживает ее от

пострига в монахини. Таким образом, как нам кажется, она пытается найти себя.

Выбор подобного сюжета для произведения, на наш взгляд, обуславливает употребление автором религиозной лексики, проанализировать особенности которого является задачей данного исследования.

Итак, даже для названия рассказа автор выбирает фразеосочетание Чистый понедельник, что является очень символичным. Чистый понедельник – это первый день Великого поста, самого строгого, завершающего Светлым Христовым Воскресением – Пасхой, главным праздником всех православных. Этот день предполагает всяческое очищение, различные очистительные обряды, необходимые как для души, так и для тела, особенно важные в завершение Широкой масленичной недели.

С целью создания необходимой атмосферы, а также максимального приближения читателя к описываемым событиям, автором вводятся в текст следующие элементы религиозной лексики:

Икона. Икона является предметом религиозного культа, призванным в первую очередь осуществлять посредничество между молящимся и первообразом, от которого она зачастую получает чудотворную силу [Бугакова 2016: 73]. По народным поверьям, многие иконы являются чудодейственными, поскольку они исцеляют больных, приносят удачу.

Обычно под иконой понимают живописное изображение Бога, Божьей Матери, ангелов, святых угодников, а также евангельского или церковно-исторического события.

У православных принято непременно освящение этого изображения святой водой, через которое иконе сообщается благодать Святого Духа, после чего икона почитается как святая.

В рассказе «Чистый понедельник» лексема *икона* используется автором в традиционном, общепринятом понимании.

Грех. Грех является одним из самых значимых для сознания верующих людей элементов духовной культуры, так как в нем нашли отражение этические и моральные принципы народа, религиозные и мирские знания, мировидение, его

психология. Изначально грех – это преступление перед Богом, состоящее в противлении Его воле, отступлении от заповеданного Им, то есть осуществление зла, его конкретное воплощение, поэтому не случайно грех сравнивают с болезнью [Мовлева 2005: 123].

По нашему мнению, употребление лексемы грех И. А. Буниным несколько отходит от традиционного понимания греха.

Церковь. Лексема *церковь* относится к общерелигиозной лексике. Церковью принято называть здание особой архитектуры, где совершается богослужение по христианскому православному обряду. Для русского человека церковь – это место собрания верующих, место соединения, целостности, предвосхищения полноты и единства мира, это не просто Дом Господень, не просто Его земная обитель, но и дверь, ведущая к Господу [Бугакова 2016: 45]. Православная церковь умеет показать человеку огромное расстояние между его земным несовершенством и его высоким святым призванием, очевидно, поэтому русский народ является по-настоящему глубоко смиренным.

Примеры употребления рассматриваемой лексемы демонстрируют точное понимание автором того, чем является церковь для православного человека, и это понимание совпадает с традиционным видением.

Храм. Храм в представлении православного человека – отличающееся от других здание, строение, предназначением которого является служение Богу [Мовлева 2005: 505].

Лексема *храм* имеет более широкое значение, чем лексема *церковь*. Храм можно встретить и в православных, и в католических странах. Он по размерам гораздо больше церкви и вмещает большее количество верующих. Недаром храмы называют местом, внушающим почтение, благоговение; святилищем.

В анализируемом произведении употребление лексемы храм является традиционным для русской национальной картины мира.

Собор. Собор – это главный храм города или монастыря, в котором, как правило, находится архиерейская кафедра [Мовлева 2005: 445].

На примере анализа употребления И. А. Буниным лексемы собор мы наблюдаем совпадение авторского понимания данной лексемы с видением ее значения в национальной картине мира.

Монастырь. Монастырем принято называть имеющую единый устав религиозную общину монахов или монахинь, а также комплекс различного типа построек (богослужебных, хозяйственных, жилищных), этой общине принадлежащих. Монастыри классифицируются в зависимости от пола проживающих (например, лавра – мужской православный монастырь), от количества проживающих (так, скит – уединенное жилище, возможно в рамках монастыря), от характера проживания (выделяют монастыри общежитского устава и необщежитского). Монастыри всегда играли большую роль в развитии культуры России, так как способствовали распространению письменности, в них вели летописи, собирали библиотеки.

При использовании лексемы монастырь автор придерживается традиционного ее понимания, зафиксированного в словарях.

Богородица. В христианской традиции земная мать Иисуса Христа, величайшая из христианских святых. Приняты еще такие употребления, как Дева Мария, Пресвятая Дева, Богоматерь, Царица Небесная. В честь Богородицы в православной религии празднуется большое количество праздников, связанных в первую очередь с ключевыми моментами жизни (Рождество Богородицы, Благовещение, Успение и т.д.). Помимо этого, создано большое количество икон, посвященных Богородице, так как она, по мнению православных, совершала большое количество чудес, облегчала многие страдания. По молитве перед иконой Богородицы, особенно наиболее почитаемой, например, Иверской, Казанской, Владимирской, может исполниться просьба молящего, так как Богородица является заступницей.

Богородица представлена автором так, как всегда ее воспринимал православный человек: прежде всего защитницей, заступницей, оградительницей от бед [Бунин 2012: 149].

Прощеное воскресенье. В православии Прощеное воскресенье – это последнее из четырех воскресенья, последний день, когда можно есть так называемую скоромную пищу – яйца, молоко, молочные продукты. Прощеное воскресенье завершает Масленичную неделю, широкую, разгульную, с блинами и угощениями, и предвеляет самый длительный и самый строгий в православии Великий пост. В этот день православные христиане, посещая литургию, обязательно слушают Евангелие, в котором говорится о необходимости прощения грехов. Поэтому воскресенье и называется Прощеным – в этот день принято просить прощения у близких за причиненные обиды и прощать окружающим их согрешения, чтобы начать пост с душой, не обремененной злобой, максимально очищенной.

Проанализировав случаи употребления автором фразеосочетания Прощеное воскресенье, мы можем отметить, что данное фразеосочетание используется в соответствии с православным прочтением.

Крест. В религии крест является символом христианской нравственности, призванным обозначать определенную совокупность страданий, тяжелых обязанностей, а также мучительной борьбы нравственного долга со всевозможными искушениями. Все это верующему полагается выносить стойко и безропотно, не нарушая требований религии.

Крест – это символ и предмет христианского культа, потому что, согласно Евангелию, на кресте был казнен Иисус Христос. Это обстоятельство послужило основанием для превращения креста в орудие казни, смерти. Крест наделен определенной символикой в обряде умирения и похорон, ассоциируется со страданием и мукой.

Автор вводит в произведение лексему крест как символ христианского культа, что совпадает с общепринятыми представлениями о понимании данной лексики.

Таким образом, проанализировав употребление И. А. Буниным в рассказе «Чистый понедельник» религиозной лексики, мы пришли к выводу о том, что автор вводит в данное

произведение лексемы икона, грех, крест, церковь, храм, собор, Богородица, монастырь, а также фразеосочетания Чистый понедельник и Прощеное воскресенье с целью максимально передать колорит праздника, которому посвящено произведение, и точно раскрыть образ главной героини. Рассматриваемые лексемы употребляются автором в традиционных значениях, характерных для православной картины мира.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бугакова Н. Б. Икона в картине мира И.С. Шмелева (индивидуально-авторские особенности восприятия) / Н. Б. Бугакова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 4 (58): в 3-х ч. – Ч. 3. – С. 72-74.
- Бугакова Н. Б. Религиозная лексика и особенности ее употребления на примере произведения И. С. Шмелева "Богомолье" // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 6. – Ч. 2. – С. 45-47.
- Бунин И. А. Чистый понедельник. – М.: Детская литература, 2012. – 384 с.
- Малый православный толковый словарь / Н. С. Мовлева. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2005. – 527 с.

Волкова Е. В.

Санкт-Петербург, Россия

**АКТУАЛИЗАЦИЯ
КОНЦЕПТА АНГЛИЯ В
ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
М.И. ЦВЕТАЕВОЙ**

Аннотация. В статье проводится анализ индивидуально-авторского концепта АНГЛИЯ М. И. Цветаевой путём описания образов, присутствующих в её поэзии. Прослеживаются истоки формирования концепта, даётся описание его когнитивных признаков.

Ключевые слова: концепты, русская поэзия, поэтическое творчество, русские поэтессы, авторская картина мира, когнитивные признаки.

Сведения об авторе: Волкова Елена Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры английского языка. Место работы: Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов.

Контактная информация: 192238, г. Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15, к. 301.
e-mail: fujivara_isae@mail.ru.

Volkova E. V.

St Petersburg, Russia

**ACTUALIZATION OF THE
CONCEPT ENGLAND IN
MARINA TSVETAEVA'S
POETICAL DISCOURSE**

Abstract. The article deals with the analysis of the individual author's concept ENGLAND in Marina Tsvetaeva's poetry through description of the images she uses. The sources of the formation of the concept are analyzed and its cognitive features are described.

Keywords: concepts, Russian poetry, poetic creativity, Russian poetesses, author's worldview, cognitive features.

About the Author: Volkova Elena Viktorovna, Candidate of Pedagogy, Associate Professor of the Department of the English Language.

Place of employment: St Petersburg University of Humanities and Social Sciences.

В современной науке анализ художественных концептов представляет собой один из путей интерпретации художественного текста [Волкова, Ретя 2017: 59]. Концептуальные исследования в современной лингвистике посвящены, главным образом, изучению коллективных концептов. Индивидуально-авторские концепты ещё недостаточно изучены, что делает тему данного исследования особенно актуальной. С. А. Аскольдов художественные концепты определял «точками сложнейших соцветий мысленных конкретностей», «сростками возможных образных

формирований, определяемых семантикой художественного слова» [Аскольдов 1997: 267]. Конкретные концепты представляют собой отражение действительности сознанием [Алефиренко, Корина 2011: 27]. В случае репрезентации индивидуально-авторского концепта, мы говорим о воплощении его в художественных произведениях данного автора путём описания конкретных образов [Волкова, Ретса 2017: 59].

Англия рано вошла в жизнь М. И. Цветаевой. Первое упоминание об английском в «Воспоминаниях» сестры М. И. Цветаевой Анастасии – английские книги в шкафу у старшей сестры Валерии, которые Марине разрешалось брать. Среди книг упоминаются «Леди Джен, или Голубая цапля» С. Джемисон и «Маленький Лорд Фаунтлерой» Ф. Бернетт [Цветаева 2002: 44]. Но ещё до того, как маленькая Марина смогла прочесть эти книги, были рассказы матери, которая пересказывала дочерям сюжеты мировой классики, такие, например, как шекспировский «Король Лир».

Можно сказать, что первое знакомство М. И. Цветаевой с Англией произошло именно через литературу. Её мать, М. А. Цветаева, превосходно знала английский и часто упоминала английские романы или имена английских писателей в разговорах с дочерьми. Так, А. И. Цветаева вспоминает об упоминании имён Карлейла и Раскина [Цветаева 2002: 63], а также о разговорах между матерью и Мариной о школах в романах Диккенса [Цветаева 2002: 245]. Любимой книгой одиннадцатилетней М.И. Цветаевой был роман Ч. Диккенса «Давид Копперфильд». Именно этого героя упоминает М. И. Цветаева в своём стихотворении «За книгами» (из сборника «Волшебный фонарь»). В своих воспоминаниях А. И. Цветаева говорит также о чтении Мариной романа Дж. Элиот «Золотые кудри» [Цветаева 2002: 85]. Сама юная Марина тоже учила английский в пансионе сестёр Бринкманн. Несмотря на то, что училась она в четвёртом классе, английский изучала с семиклассницами [Цветаева 2002: 176], что говорит о хорошем уровне владения языком. Кроме того, она прекрасно говорила по-французски и по-немецки.

Здесь можно отметить, что в своей поэзии М. И. Цветаева употребляет достаточно много иностранных слов и выражений, но

только три из них – английские. Это *money* (в пьесе «Червонный валет»), *SOS* (в стихотворении «Ни к городу, ни к селу...») и *White-Rose* (в стихотворении «Могу ли не вспомнить я...») из цикла «Подруга»). По нашему мнению, это говорит о том, что английский язык не был для М. И. Цветаевой важным в её жизни языком, а концепты английской культуры, которые он вербализует, не были ей настолько близки, чтобы войти в её поэзию.

Тем не менее, образ Англии присутствует в поэзии М. И. Цветаевой. Во-первых, упоминается сама Англия (в стихотворении «Пахнуло Англией – и морем...») и в эпитафии к нему). Во-вторых, упоминается также Британия (в стихотворении «Книги в красном переплёте»). Кроме того, М. И. Цветаева использует такой образ, как «туманный Альбион». Этот образ использован в двух произведениях – в пьесе «Феникс» и в стихотворении «Я берег покидал туманный Альбиона...» (из цикла «Плащ»). Последнее стихотворение обращено к Байрону, одному из романтических героев М. И. Цветаевой. Образ Байрона встречается в нескольких стихотворениях М. И. Цветаевой: «Аля! – Маленькая тень...», «Поклонник Байрона», «Лорд Байрон! – Вы меня забыли!...», «Байрону», «Встреча с Пушкиным», – а также в поэме «Крысолов».

Кроме Байрона, образ Англии в поэзии М. И. Цветаевой формирует упоминание У. Шекспира, который назван в таких стихотворениях, как «Мы быстры и наготове...» и «Чтоб высказать тебе... Да нет, в ряды...» (из цикла «Провода»). В стихотворениях М. И. Цветаевой присутствуют и герои пьес У. Шекспира – Гамлет, Офелия, Ромео и Джульетта. Гамлет упомянут в трёх стихотворениях («Диалог Гамлета с совестью», «Офелия – Гамлету», «Офелия – в защиту королевы»), Офелия упомянута в четырёх стихотворениях («Офелия – Гамлету», «Офелия – в защиту королевы», «По набережным, где седые деревья...», «На назначенное свиданье...»), Ромео и Джульетта упомянуты в двух стихотворениях («Камерата», «Корабль затонул – без щеп...»). Даже не упомянута, Офелия, тем не менее, присутствует в стихотворении «Диалог Гамлета с совестью», что делает её самой популярной героиней Шекспира в поэзии М. И. Цветаевой и говорит о том, что именно образ

Офелии является основным среди всех образов английских литературных героев в поэзии М. И. Цветаевой.

Помимо героев У. Шекспира на страницах стихотворных книг М. И. Цветаевой мы встречаем только таких героев из английской литературы, как уже упомянутый Давид Копперфильд и Ловелас (в «Поэме Конца»). Но Цветаева упоминает также героя легенд – короля Артура (в «Пьесе о Мэри») и Грааль (в поэме «Чародей»). Действие незаконченной «Пьесы о Мэри» происходит, вероятно, в Англии, о чём говорят такие детали, как «пенни», «леди», «король», и др.

Английские исторические персонажи представлены в поэзии М. И. Цветаевой единственным образом Марии Стюарт, который появляется в двух стихотворениях. География Англии представлена Лондоном, в котором упоминаются Темза и Сити. Кроме того, Англия присутствует в поэзии М. И. Цветаевой через знаменитые английские бренды, такие как Смитсон («Новый год. Ворох роз...») и Рольс-Ройс («Ода пешему ходу», «В сапогах, подкованных железом...»).

В стихотворении «Новый год. Ворох роз...», кроме Смитсона, упоминается также портрет лорда. Номинация «лорд» встречается в поэзии М. И. Цветаевой шесть раз, и столько же раз – «леди». Три раза упомянуто прилагательное «английский / аглицкий» – в сочетании с существительными «жакей» и «шинель». Прилагательное «британский» упомянуто два раза – в сочетании с существительными «лев» и «флаг». По одному разу в поэзии М. И. Цветаевой встречаются такие номинации, как «фунт стерлингов», «пенни», «баллада», «пэр», «сэр». В пьесах «Фортуна» и «Феникс» присутствуют дворецкие, хотя служат они у дворян из Франции и Италии.

Важным образом для поэзии М. И. Цветаевой является Англия Диккенса. Кроме упоминания Давида Копперфильда в первом сборнике ещё юного поэта, мы встречаем такие образы, как «диккенсова ночь» и «по-диккенсовски тусклый и туманный» в более поздней лирике.

Таким образом, концепт АНГЛИЯ в картине мира М. И. Цветаевой был сформирован, в основном, благодаря английской литературе. Что касается реальной Англии, то М.И.

Цветаева побывала там только в 1926 г., о чём писала в письме к Анне Тесковой от 24 марта (Цветаева 1991: 31).

На основе анализа поэтического творчества М. И. Цветаевой мы можем сформулировать основные когнитивные признаки индивидуально-авторского концепта АНГЛИЯ:

- АНГЛИЯ – символы (лев, флаг)
- АНГЛИЯ – литература
- АНГЛИЯ – страна из книг
- АНГЛИЯ – качественные, дорогие бренды
- АНГЛИЯ – язык
- АНГЛИЯ – исторические личности
- АНГЛИЯ – аристократия

Основным признаком концепта АНГЛИЯ в поэзии М. И. Цветаевой можно назвать АНГЛИЯ – страна романтических героев, данный признак в большой степени сформирован на основе чтения пьес Шекспира и романтической поэзии Байрона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алефиренко Н. Ф., Корина Н. Б. Проблемы когнитивной лингвистики. – Нитра (Словакия): Университет им. Константина философа, 2011. – 215 с.

Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 267-279.

Волкова Е. В., Рется И. А. Репрезентация концепта МОСКВА в сборнике М. И. Цветаевой «Вёрсты» и его переводе на английский язык Р. Кембаллом // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 5 (71): в 3-х ч. – Ч. 2. – С. 59-62.

Цветаева А. И. Воспоминания. – М.: Изографус, Дом-музей Марины Цветаевой, 2002. – 880 с.

Цветаева М. И. Письма к Анне Тесковой. – СПб.: Внешторгиздат, С.-Петербургское отд-ние, 1991. – 189 с.

Цветаева М. И. Собрание стихотворений, поэм и драматических произведений в трех томах. Т. 1. Стихотворения и поэмы 1910-1920. – 656 с.

Цветаева М. И. Собрание стихотворений, поэм и драматических произведений в трех томах. Т. 2. Стихотворения и поэмы 1921-1929. – 623 с.

Цветаева М. И. Собрание стихотворений, поэм и драматических произведений в трех томах. Т. 3. Стихотворения и поэмы 1930-1941, драматические произведения, переводы, другие редакции, незавершенные стихотворения. – М.: ПТО «Центр», 1993. – 720 с.

Гладышева Н. А.
Екатеринбург, Россия
**СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА
АНТРОПОНИМОВ В
ФАНТАСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ
(НА ПРИМЕРЕ СЕРИИ КНИГ
ДЖ.РОЛИНГ «ГАРРИ
ПОТТЕР»)**

Gladysheva N. A.
Ekaterinburg, Russia
**THE TRANSLATION
STRATEGIES OF
ANTHROPONYMS IN
SPECULATIVE FICTION TEXT
(BY THE EXAMPLE OF SERIES
OF FANTASY NOVEL J.K.
ROWLING “HARRY POTTER”)**

Аннотация. В статье ставится задача рассмотреть и проанализировать стратегии перевода антропонимов в фантастическом тексте. Дано определение стратегии перевода, а также ее виды в зависимости от цели переводчика. Рассмотрены особенности перевода антропонимов, как безэквивалентной лексики. Выделены основные способы перевода, а затем стратегии перевода антропонимов, функционирующих в серии книг Дж. Ролинг «Гарри Поттер».

Ключевые слова: стратегии перевода, антропонимы, художественный перевод, фантастика.

Abstract. The main idea of the article is to make a research and analysis of the translation strategies of anthroponyms in speculative fiction text. It was given the definition of the translation strategies and the types of it depending on the interpreter's aim. The features of translation was reviewed as non-equivalent vocabulary. The main ways of translation and the translation strategies in “Harry Potter” were analyzed.

Keywords: translation strategies, anthroponyms, literary translation, speculative fiction.

Сведения об авторе: Гладышева Наталья Алексеевна, преподаватель английского языка кафедры общеобразовательных дисциплин. Место работы: ГБПОУ СО «Свердловский областной педагогический колледж».

About the Author: Gladysheva Nataliia Alekseevna, English teacher of general disciplines department.

Place of employment: Pedagogical College of Sverdlovsk region.

Контактная информация: 620014, г. Екатеринбург, ул. Юмашева, 20, к. 101г.

e-mail: shvedchikova_natalie@mail.ru.

Перевод с одного языка на другой – сложный процесс, который требует от переводчика не только знания теории переводоведения, но и культуры страны переводящего языка.

Важным элементом целого перевода является максимальное сохранение и передача семантики лексемы, заявленной в оригинальном тексте. Наличие вариантов перевода одного текста указывает на поиск переводчиками средств, способов и методов перевода, с помощью которых интерпретируется либо сторона произведения, либо стилистические особенности текста-оригинала. Данные процессы неотъемлемо связаны с понятием «стратегия перевода».

В переводоведении переводческая стратегия рассматривается с двух сторон. С одной стороны, это план действий переводчика в процессе перевода (Алексеева 2004; Комиссаров 1990; Комиссаров 1990), а с другой – мотивы, которыми он руководствуется (Гарбовский 2004; Newmark 1988), где нас интересует вторая сторона данного понятия.

Таким образом, стратегия перевода – это особый инструмент отбора переводчиком языковых единиц, способа перевода единиц с языка оригинала на ПЯ, который формируется в соответствии с видом перевода, целью и особенностями двуязычной ситуации общения.

Опираясь на классификацию английского лингвиста Питера Ньюмарка (П.Ньюмарк [Newmark 1988: 46-47]) в книге «Заметки о переводе», можно выделить две общих стратегии перевода:

1. Стратегия перевода, ориентированная на передачу оригинального текста. Категоричность стратегии этого типа практически не позволяет переводчику изменять текст.

2. Стратегия перевода, при которой переводчик ориентируется на передачу плана выражения, т. е. основной мысли текста и стиля автора. Данная стратегия предполагает неизбежные «потери» текста, но результатом является его адаптация в сфере иноязычной культуры.

В фантастическом произведении все имена собственные (антропонимы) становятся уникальными, что требует особой осторожности при переводе, где номинацию таких уникальных объектов объединяют в понятие безэквивалентной лексики. Слова, входящие в лексику данного типа, не имеют аналогов перевода в культуре другого языка. Существуют разные способы перевода ономастических единиц: на фонетическом

уровне – транслитерация, на смену которой пришла транскрипция, то есть перевод букв или звуков слов в соответствии с языковой системой ПЯ; на морфологическом – калькирование (перевод морфем в соответствии с ПЯ); на лексическом – полный перевод слова, где подбираются наиболее подходящие эквиваленты. В некоторых случаях допускается опущение слова (без ущерба для авторского замысла). Антропонимы должны транскрибироваться, но для передачи семантики, заложенной автором, наиболее эффективным является использование полного или частичного перевода.

Ономастикон фантастического произведения особо важен, если он направлен на восприятие детьми младшего школьного возраста, а также их перевод. Перевод должен осуществляться в соответствии с особой лексикой, выбранной автором для реализации своего замысла, а также приемов, созданных для восприятия ребенка.

Антропонимы волшебного мира Гарри Поттера можно отнести к двум видам: узуальные имена собственные и «говорящие» - звуковая оболочка таких имен наглядно отражает характеристику персонажа. Узуальные антропонимы также несут в себе основные черты героя произведения, но не в звуковой оболочке, и тем самым нуждаются в еще более глубоком, детальном анализе для объяснения именованного того или иного лица. В отличие от фамилий, в основном, все имена героев ономастикана произведения относятся к прецедентным онимам.

1. Библийские имена – *Peter* (Апостол Петр) *Pettigrew, Hannah* (Анна – мать Девы Марии) *Abbott*.

2. Мифологические – *Remus* (миф о Реме и его брате Ромуле), *Minerva* (в римской мифологии богиня мудрости), *Hermione* (Гермес – бог торговли, красноречия и разумности), *Penelope* (супруга Одиссея).

3. Исторические имена – *Salazar* (португальский государственный деятель, диктатор), *Nicolas Flamel* (алхимик, который изобрел философский камень), *Natalie McDonald* (канадская поклонница творчества Дж.Ролинг), *McGonagall* (шотландский писатель), *Horace* (эпикурейский римский поэт), *Lucius* (Луций Сулла – древнеримский государственный деятель, диктатор, тиран).

4. Фитонимы – *Lily* (лилия), *Petunia* (петуния), *Lavander* (лаванда), *Oliver* (олива), *Narcissa* (нарцисс).

5. Астронимы – *Sirius* (Сириус), *Bellatrix* (Беллатрикс), *Scorpius* (Скорпион).

6. Топонимы – *Vernon* (Вернон), *Neville* (Невилл), *Dursley* (Дурсли).

Также можно отметить имена, в которых образ персонажа считывается через этимологию: *James* и *Seamus* («выживший»), *Helga* («святая, благословенная»), *Rowena* («слава» и «радость»), *Cornelius* («рог»), *Wilhelmina* («воля, желание» и «шлем, защита»), *Victor* (лат. победитель), *Filius* (лат. сын), *Alastor* («мститель»), *Tom* («близнец»).

При переводе таких имен все переводчики следуют одной стратегии – передача внутреннего содержания имени и сохранение иноязычной звуковой оболочки, что обусловлено использованием транскрипции и транслитерации как способа перевода онимов: *Harry* → *Гарри*, *Lily* → *Лили*, *James* → *Джеймс*, *Sirius* → *Сириус*, *Peter* → *Питер*, *Lucius* → *Люциус*, *Vernon* → *Вернон*, *Nicolas* → *Николас*, *Natalie* → *Натали*, *Salazar* → *Салазар* и др. Но в рамках данной стратегии применительно к разным антропонимам некоторые переводчики используют транскрипцию, а другие – транслитерацию.

«Говорящие» имена собственные создаются за счет соединения различных узуальных основ, аффиксов и др. способов образования, принятых в системе языка, что позволяет считывать образ персонажа через его имя, фамилию или прозвище. Такие имена собственные не характерны для узуальной системы языка, т.е. они являются окказиональными (индивидуально-авторскими). На основании способов образования имен существительных в английском языке, выделенных Т.Г.Камяновой [Камянова 2013: 38-48], рассмотрим «говорящие» антропонимы, функционирующих в «Гарри Поттере»: аффиксация (the Affixation), конверсия (the Conversion), словосложение (the Composition), лексическое сокращение (the Clipping), блендинг (the Blending).

При аффиксации к основе слова присоединяются суффиксы и префиксы, например, *Riddle* и *Moony*. *Riddle* – имя существительное, которое образовано путем присоединения к

основе слова *rid* (англ. освобождать, избавляться) суффикса «многократно повторяющегося действия» *le*, дословно «избавляющийся». При создании антропонима Дж.Ролинг подбирала различные комбинации, чтобы количество и набор букв совпадал с более известным, вторым именем персонажа *Voldemort: Tom Marvolo Riddle*. Процесс номинации повлиял на перевод М.Д.Литвиновой: Том Нарволо Реддл – Волан-де-Морт и М.В.Спивак: Том Ярволо Реддль – я лорд Вольдемор. «Potter's Army» транскрибируют оним: Том Марволо Риддл – Волдемор. *Moony* – антропоним, который образован путем присоединения к основе слова *moon* (англ. луна) суффикса прилагательного *y* в значении «характерные признаки явлений» [Камянова 2013: 258]; дословно «лунный». В русском варианте онима М.Д.Литвинова и «Potter's Army» используют частичный перевод слова *Moony* → Лунатик. Потеря контроля у персонажа в процессе превращения в оборотня стала основанием для перевода («расстройство сознания, при котором во сне автоматически совершаются привычные действия, лунатизм, снохождение» [СОШ 2008: 772]). У М.В.Спивак – полный перевод слова *moon* (англ. луна) с транскрипцией суффикса прилагательного *y*→и: Луни ← луна + *y* (суф.).

Конверсия – переход из одной части речи в имя существительное без изменения морфологической формы: *Black* (от англ. *black* черный), *Brown* (от англ. *brown* коричневый), *Rubeus* (от лат. *rubeus* красный), *Severus Snape* (от лат. *severus* «суровый, жуткий» и от англ. *snar* «внезапный мороз») и *Moody* (от англ. *moody* легко поддающийся переменам настроения, унылый, угрюмый). Рассмотрим способ и стратегии перевода антропонимов *Severus Snape* и *Moody*. Номинация персонажа *Severus Snape* обусловлена надменным отношением персонажа к другим, а также его жестокостью, несправедливостью, отстраненностью и холодностью. Каждый из переводчиков применяет разный способ перевода антропонима *Severus Snape*; дословно: «надменный злодей». Транслитерируют имя персонажа И. А. Оранский и «Potter's Army»: *Severus* → Северус поскольку само имя отражает холодность и суровость героя. При переводе фамилии *Snape*→Снегг И. В. Оранский применяет полный перевод слова через родовидовые отношения (ср.: *snar*

«внезапный мороз» → снег→Снегг), где удвоенная фонема <г> придает оттенок тяжести, что связано с тяжелым, сложным характером персонажа. «Potter's Army» продолжают сохранять иноязычность антропонима через транскрибирование фамилии *Snape*→*Снейп*. В основе перевода М. В. Спивак передана злость и жестокость персонажа по отношению к другим героям произведения, а также транслитерация латинского окончания *us*→*ус*: *Severus Snape* → *Злодеус Злей*. Номинация персонажа *Moody* объясняется его поведением, что отражается в переводе М. Д. Литвиновой: полный перевод антропонима *Moody* → *Грюм*, где используется краткая форма слова угрюмый – угрюм, в котором отсекается начальная <у>. М. В. Спивак использует полный перевод с частичной транскрипцией *Moody* → *Хмури*, для образования которого к основе слова хмурый добавляется транскрибированный суффикс *у* → *и*. С помощью транскрипции переводят переводчики от «Potter's Army»: *Moody* → *Муди*.

Словосложение как способ образования имен существительных представляет собой соединение слов разных частей речи: *Gryffindore*, *Nymphadora*, *Malfoy*, *Pettigrew*, *Marvolo*, *Lovegood*, *Flitwick*, *Hagrid*, *Wormtail*, *Padfoot*, *Slughorn*, *Hufflepuff*, *Ravenclaw*, *Longbottom*, *Gilderoy Lockhart*, *Clearwater*, *Voldemort*, *Mad-Eye*. *Lovegood* – сложное имя существительное, образованное путем сложения основ слов *love* (англ. любить) и *good* (англ. хороший), дословно – «любеобильный». Все переводчики транскрибируют антропоним: *Lovegood* → *Лавгуд*. *Hagrid* – сложное существительное, образованное сложением основ слов *hag* (англ. ведьма) и *rid* (англ. освобождать, избавлять), дословно «избавляющий от ведьм» в значении защищающий от дурного. Номинация обусловлена храбростью персонажа и заботой о других. И. В. Оранский и «Potter's Army» транслитерируют оним: *Hagrid* → *Хагрид*; М. В. Спивак частично транслитерирует имя, изменяя звуковую оболочку *Hagrid* → *Огрид*: отсечение фонем <ха> в лексеме хагрид (Огрид ← *огр* + *хагрид*), при переводе учитывался образ персонажа – принадлежность к великанам (*огр* – от фр. *ogre* великан-людоед). Ср.: Седок этот был примерно раза в два выше и по крайней мере в пять раз толще обычного человека.

Лексическое сокращение – «образование усеченных

существительных без изменения значения» [Камянова 2013: 38]. Например, данный способ используется при создании антропонима *Lupin*, которое происходит от латинского слова *lupines* – волчий. Фамилия принадлежит положительному персонажу, которого в детстве укусил оборотень. При превращении в оборотня персонаж полностью теряет контроль над собой и может убить даже родных и близких (до тех пор, пока я принимаю это зелье, при превращении я могу контролировать себя). Имя персонажа *Remus*, что говорит о связи с мифом «Рем и Ромул» – основатели Рима, вскормленные волчицей [Похлебкин 1994: 100]. Переводчики используют транслитерацию при переводе антропонима: *Lupin* → Люпин.

Блендинг – способ образования слов, при котором компоненты двух слов объединяются в одно, например, *Mundungus*. Антропоним состоит из компонентов слов *mundane* (лат. земной, мирской, обычный) и *dingus* (от англ. *dingbat* глупый, тупой человек); дословно «приземленный». Все три перевода раскрывают трусливость, подлость персонажа, но в переводе *Наземникус* (М. Д. Литвинова) подчеркивается его приземленность, любовь к вещам и отсутствия духовных ценностей; изменение порядка букв в переводе *Мундугнус* (М. В. Спивак) актуализирует гнусные поступки персонажа. «Potter's Army» транслитерирует антропоним: *Мундунгус*.

Для ономастикона произведения характерны способы образования существительных, которые не выделяются Т. Г. Камяновой:

1. Использование узуальных слов и словосочетаний, которые становятся онимами и приобретают другое семантическое значение в фантастическом произведении – номинация персонажа: *Fudge* (англ. обман), *Sprout* (англ. побег), *Hooch* (англ.самогон), *Moaning Myrtle* (ноющий мирт), *The Bloody Baron* (англ. кровавый барон), *Prongs* (англ. острое рога), *Tonks* (англ. сильный удар), *Nearly Headless Nick* (почти безголовый Ник), *Dark Lord* (темный лорд); эвфемизмы – *Who must not be named* (тот, кто не должен быть назван), *You-Know-Who* (ты знаешь кто), *The boy who lived* (мальчик, который выжил).

2. Изменения звуковой оболочки узуальных слов – антропоним *Slytherin* образован от *slither* (англ. «скользить,

плавно передвигаться»)), что ассоциативно отсылает к змеям и отражает способность персонажа говорить со змеями: Slytherin (замена фонем <i> → <y> и выпадение <g> – в речевом потоке <g> в сочетании <ing> не произносится) ← slithering (ing – процессуальность) ← slither.

Таким образом, наблюдается тенденция к максимальной адаптации основной мысли автора к русской культуре в переводе М. В. Спивак. У коллективного перевода «Potter's Army» – сохранение текста автора, а официальный перевод занимает промежуточное положение между этими двумя стратегиями, другими словами, в некоторых ситуациях передается больше смысл, а в некоторых – слово автора.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеева И. С. Введение в переводоведение: учеб.пособие для студентов филол. и лингв. фак. вузов. – М.: Академия; СПб.: СПбГУ, 2004. – 352 с.– С. 1-10.
- Гарбовский Н. К. Теория перевода: учеб.для студентов вузов. – М.: Моск.ун-т, 2004. – 544 с.
- Гиляревский Р. С. Иностранные имена и названия в русском тексте: справочник. – М.: Высш. шк., 1985. – 304 с.
- Камянова Т. Г. ENGLISH GRAMMAR. Грамматика английского языка: теория и практика. – М.: ООО «Дом славянской Книги», 2013. – 1024 с.
- Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. – М.: Оникс, 2008. – 736 с.
- Похлебкин В. В. Словарь международной символики и эмблематики. – 3-е изд. – М.: Междунар. отношения, 2001. – 560 с.
- Суперанская А. В. Структура имени собственного: (фонология и морфология). – М.: Наука, 1969. – 207 с.
- Newmark P. A Textbook of Translation. – London: Prentice-Hall International Ltd, 1988. – 292 p.
- Oxford Advanced Learner's Dictionary / Chief Editor S. Wehmer. – London: Oxford University Press, 2005. – 1882 p.

Клюева А. Н.

Ростов-на-Дону, Россия

**ЗРИТЕЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ
В ЯЗЫКЕ ДЖОНА АПДАЙКА
(НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА
РАССКАЗОВ «THE EARLY
STORIES: 1953-1975»)**

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотреть основные лингвистические особенности зрительного восприятия в текстах рассказов американского писателя Дж. Апдайка.

Ключевые слова: визуальные образы, рассказы, зрительное восприятие.

Сведения об авторе: Клюева Анжела Николаевна, аспирант кафедры теории языка и русского языка.

Место учёбы: Южный федеральный университет, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации.

Контактная информация: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42.

e-mail: yoarlen@mail.ru.

Klyueva A. N.

Rostov-on-Don, Russia

**VISUAL PERCEPTION IN THE
LANGUAGE OF JOHN UPDIKE
(ON THE MATERIAL OF THE
COLLECTION «THE EARLY
STORIES: 1953-1975»)**

Abstract. There is given an attempt to find out the main linguistic features of visual perception in the texts of the stories of the American writer John Updike in the article.

Keywords: visual images, stories, visual perception.

About the Author: Klyueva Anzhela Nikolaevna, post-graduate student of the language theory and the Russian language department.

Place of study: Southern Federal University, Institute of philology, journalism and intercultural communication.

Тема зрительного восприятия, выражаемого в языке художественных произведений, является одной из ведущих тем в современной лингвистике. Исследования ведутся во всех направлениях и затрагивают когнитивную лингвистику [Рузин 1995; Попова, Стернин 2007; Муравьева 2008; Азарова, Кудряшов 2016], психологию, искусствоведение и философию. В психологии, зрительное восприятие является одной из ведущих тем, в которой исследуются физиологические возможности зрения человека. В искусствоведении раскрывается проблема эстетического восприятия. А в философии актуализируются проблемы познания окружающего

мира, возможности соответствия видимого и фактического. Язык при этом выступает средством накопления информации о визуально-воспринимаемом мире и духовной жизни народов.

Нашей целью в данной статье мы определили обнаружение особенностей зрительного восприятия визуальных образов в языке Джона Апдайка и возможность доказательства того, что одной из важных задач автор избирает для себя – сделать читателя зрителем.

Объем информации, поступающий через зрительный канал восприятия, является самым большим. Поэтому зрительное восприятие – одна из основных сфер соприкосновения и познания действительности. Не случайно, лексика визуального ряда наиболее часто используется авторами для создания зрительно-воспринимаемых образов в своих художественных произведениях.

Под визуальными образами в данной работе понимаются словесно смоделированные образы в текстах рассказов, которые доступны читателю через зрение персонажа / рассказчика / автора. Логически выстроенная картина в рассказе вводится посредством различных глаголов визуальной перцепции; и отображает зрительно-воспринимаемый образ в цветовых, световых и прилагательных формы/размера, а так же существительных световых явлений.

Главной особенностью зрительной перцепции является то, что в процессе восприятия таких вербально-визуальных образов читатель обращается фактически не к визуальному каналу восприятия, а к ментальному, к процессам своей мыслительной деятельности.

В ходе анализа одной из тематических частей «The single life» из сборника ранних рассказов писателя («The early stories: 1953-1975») был выделен ряд перцептивных глаголов зрительной системы: to perceive, to search, to examine, to observe, to glance, to stare, to gaze, to watch, to look, to see, которые употребляются субъектом процесса восприятия. Все эти глаголы мы упорядочили в зависимости от того, как часто они встречаются в текстах рассказов (от наименее популярных к наиболее распространенным).

Рассматривая глаголы зрительного восприятия, было

отмечено, что для каждого из них можно выделить свои языковые особенности перцептивного состояния героев рассказов. Так глагол *to perceive* – *ощущать* используется в ментальном контексте: «*With an effort of spatial imagination he perceived that a mirror does not reverse our motion ...*» [Updike 2003: 1109]. Глагол *to search* – *внимательно рассматривать* употребляется для создания ретроспективного образа, когда персонаж прибегает к своим воспоминаниям.

Что касается глаголов *to examine* – *рассматривать/обследовать* и *to observe* – *наблюдать/следить*, то они служат для рассматривания интерьера, при этом у второго глагола отмечается оценочный момент персонажа к наблюдаемому: «*He observed with satisfaction that there was no other living thing in it. No pets, no plants.*» [Updike 2003: 1141]. Глагол *to examine* употребляется при внимательном рассматривании фотографии: «*He examined a snapshot he had taken a year ago. A smooth, staring, unlistening face. Baby fat.*» [Updike 2003: 1149].

Глагол *to glance* – *видеть / замечать мельком* употребляется со словами *hopefully, mirror, window, face*, что соответствует такому зрительному восприятию, как *быстро посмотреть в зеркало, выглянуть в окно, взглянуть с надежной, бросить взгляд на что-либо*.

В отличие от глагола *to glance*, который отражает мимолётность взгляда и поверхностное восприятие, следующие два глагола *to stare* – *пристально смотреть/уставиться* и *to gaze* – *пристально глядеть*, выявляют более длительный и целенаправленный процесс зрительного восприятия. Отличие этих глаголов состоит в том, что глагол *to gaze* имеет *оттенок взглядывания для того, чтобы что-либо рассмотреть*. Поэтому в тексте не случайны следующие сочетания: «*the chairman gazed mistily in the direction of the sudden silence*», «*Judith, on his right, lit a cigarette, gazed upward in the direction of her too-energetic, too-sophisticated exhalation*», «*Margaret ... gazed from the other side of his pane of tears as if into a shopwindow at something she coveted – at her father, a crystalline heap of splinters and memories*» [Updike 2003]. Глагол *to stare* выражает оценочное отношение персонажа к рассматриваемому объекту/визуальному образу и

об этом говорит частотность глагола *to like* – любить/нравиться в примере: «*The boat was still tied up at the Luxor dock, a flight of stone steps; a few yards away, across a gulf of water and paved banking, a traffic of peddlers and cart drivers stared across. Clem liked that gulf and liked it when the boat cast loose and began gliding between the fields, the villages, the desert. He liked the first temples ...*» [Updike 2003: 1058]. Так же читателю подробно описывается визуальный образ залива в Египте.

Следующий глагол *to watch* – наблюдать/смотреть применим автором для описания действий – просмотр балета, кино танцев; наблюдений за внешностью. Процесс восприятия сопровождается выражениями: *intently, frozen, buried eyes*. Так же писатель наполняет видимые картины цветом: *the glitter of gold; the ten silver toenails; the condensation of a dewdrop, a blank space go glassy, and reflective, and greenish-blue*, что подчёркивает длительность процесса восприятия.

Глагол *to look* – смотреть/глядеть является одним из распространенных глаголов зрительного восприятия. В текстах англоязычных рассказов употребляется как фразовый глагол вместе с предлогами: *to look at* – смотреть на что-либо/кого-либо, *to look up at* – смотреть почтительно на кого-либо, *to look down into* – посмотреть сверху вниз, *to look around* – осмотреться, *to look within* – посмотреть сквозь, *to look about* – оглядываться вокруг/озираться.

Самым частотным для рассказов Дж. Апдайка оказался глагол *to see* – видеть/смотреть, так как он является базовым в зрительном восприятии. Поэтому он затрагивает многочисленные ситуации в визуальном познании художественной действительности. В предложениях проявляется опыт персонажа/рассказчика: «*And yet never in his life had he seen so well, seen so much.*», «*He saw how narrowly he had escaped a ruinous distraction ...*», «*Gazing into the abyss of the trip that was over, he saw that he had been happy.*», «*She told him with a little gesture he had never seen her use before.*», «*How her arm put her hand there, he never could see ...*» [Updike 2003]. Кроме этого, используются сочетания с глаголами *to look* и *to glance*: «*Though he had looked forward to seeing her again ...*», «*He looked down into her face to see ...*», «*Clem looked within himself*

for the answer, saw only glints ...», «He glanced sideways at her face to see ...», «... he glanced to the window, saw the skyscraper ...» [Updike 2003].

Итак, проанализировав рассказы Дж. Апдайка можно сказать: Во-первых, в процессе познания читателем художественного текста и тех визуальных образов, которые становятся ему доступны из-за его зрительной системы восприятия, в сознании у читателя получается комплексный синтез ощущений о прочитанном. Реципиент (читатель) фактически моделирует в своём сознании вербально выраженный визуальный образ в силу своего кругозора, картины мира, ощущений, желаний. Поэтому одной из задач писателя можно считать то, что писатель пытается превратить читателей в зрителей. Во-вторых, лингвистическая наполняемость текстов рассказов раскрывается посредством выявления языковых особенностей зрительного восприятия словесно-визуальных образов: глаголов зрительного восприятия и контекстных языковых моделей повествования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Азарова О. А., Кудряшов И. А. Эмоции, язык, когниции: проблема взаимообусловленности в междисциплинарной перспективе // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 10-3 (52). – С. 6-9.
- Муравьева Н. Ю. Категория перцептивности в семантике глагола и в тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008. – 23 с.
- Попова З. Д. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.
- Рузин И. Г. Модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1995. – 199 с.
- Updike J. The early stories: 1953-1975. – NY: Random House Trade Paperbacks by Alfred A. Knopf, Inc, 2003. – 1152 p.

Сидорова О. Г., Лазухина Л. В.

Екатеринбург, Россия

**АНАЛИЗ МЕЖДОМЕТИЙ
В ПЬЕСЕ У. ШЕКСПИРА
«ОТЕЛЛО» И ЕЕ ПЕРЕВОДЕ
НА РУССКИЙ ЯЗЫК**

Sidorova O. G., Lazukhina L. V.

Ekaterinburg, Russia

**THE ANALYSIS OF
INTERJECTIONS IN
SHAKESPEARE'S PLAY
"OTHELLO" AND ITS
TRANSLATION INTO RUSSIAN**

Аннотация. Перевод междометий, приобретающих определенное значение в контексте, привносящих субъективность и усиливающих эмоциональность высказывания – задача непростая. В данной статье, анализируются междометия в тексте оригинала и перевода. Обнаруживается, что междометия в современных текстах часто либо имеют нулевой перевод, либо отдается предпочтение контекстуальной адаптации междометия.

Ключевые слова: междометия, эмоциональность, художественный перевод, английская литература, английские драматурги, пьесы, драматургия, эмотивность.

Abstract. The translation of interjections acquiring some meaning in the context, introducing subjectivity and heightening the emotionality of the statements is a rather difficult task. This article analyses interjections in the original text and translation. It is found that often interjections in modern texts either have zero interpretation or contextual adaptation of interjections is used.

Keywords: interjections, emotionality, literary translation, English literature, English playwrights, plays, dramaturgy, emotiveness.

Сведения об авторах: Сидорова Ольга Григорьевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой германской филологии.

Место работы: Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина.

Лазухина Любовь Викторовна, аспирант кафедры германской филологии Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина.

About the Authors: Sidorova Olga Grigorjevna, Doctor of Philology, Professor, the Head of chair for German Philology.

Place of employment: Ural Federal University named after B. N. Yeltsin.

Lazukhina Lubov Victorovna, postgraduate student of chair for German Philology.

Являясь одним из древнейших видов человеческой деятельности, перевод, тем не менее, становится предметом научного осмысления только в XX веке. Большинство отечественных и зарубежных теоретиков перевода (А. Д. Швейцер, В. Н. Комиссаров, П. Ньюман и др.) сходятся во мнении, что в соответствии с жанрово-стилистической классификацией перевода возможно выделение двух его функциональных видов: художественного и информативного перевода. «Противопоставление художественного перевода информативному основано на противопоставлении художественных текстов специальным текстам с точки зрения основных функций, выполняемых текстами. Для художественных текстов основной является художественно-эстетическая, или поэтическая функция. Для специальных текстов основной является функция сообщения, информирования» [Сдобников, Петрова 2006: 96].

Отмечая, что теоретической базой художественного перевода «является литературоведческая теория, направленная также на решение историко-литературных задач», Л. Нелюбин указывает (возможно, излишне категорично): «Правило для перевода художественных произведений одно – передать дух художественного произведения, чего нельзя сделать иначе, чем передать его на русский язык так, как бы написал его по-русски сам автор, если бы он был русским. Каждый перевод должен производить на читателя то впечатление, которое подлинник производит на «своего» [Нелюбин 2003: 246]. При всей кажущейся упрощенности схемы деления перевода на информативный и художественный нельзя не признать, что в целом она корректно отражает реальную переводческую деятельность. Художественный перевод (как и любой другой тип) не является, по мнению Поповича, «простой заменой слов на языковом и на тематическом уровне согласно грамматическим правилам», а «переводческий словарь», по его же мнению, является «словарем интерпретационным, и он, собственно не является словарем», так как, исходя из особенностей текста, переводчику приходится «преодолевать

подводные камни замены лексических единиц с помощью перифраз, то есть описательно» [Попович 2000: 86-87].

Трагедия У. Шекспира «Отелло, венецианский мавр» («The Tragedy of Othello, the Moor of Venice», 1604-1605) неоднократно переводилась на русский язык – на сегодняшний день существует около десяти переводов, выполненных разными переводчиками, в том числе В. Рапопортом, П. Вейнбергом, М. Морозовым, А. Радловой, Б. Пастернаком, М. Лозинским и другими. Не приходится сомневаться, что будут появляться новые переводы пьес У. Шекспира, в том числе и «Отелло». Перевод трагедии, выполненный знаменитым советским переводчиком М. Л. Лозинским в 1950 г., до сих пор считается одним из самых удачных, не случайно он, наряду с переводами П. Вейнберга и Б. Пастернака, вошел в том «Отелло. Великие трагедии в русских переводах». Рассуждая о популярности Шекспира в современном мире, К. Хьюитт пишет: «Шекспир остается удивительно популярным драматургом... [В Великобритании] публика валам валит на его пьесы, которые постоянно ставятся профессиональными и самодеятельными театральными труппами... Почему? Что делает его пьесы такими популярными? Интересные сюжеты со многими перипетиями и яркие характеры героев – это первый из очевидных ответов». Кроме этого, К. Хьюитт выделяет такие факторы, как разнообразие тем и героев в пьесах драматурга, а также богатство языковых средств, которые он использует, – язык каждого героя и каждой пьесы индивидуален [Hewitt 2007: 168].

«Отелло» – трагедия любви, ревности, мести, коварства и доверчивости, страстей и холодного расчета. Стиль произведения обусловлен высоким эмоциональным накалом его содержания, но также и тем фактом, что «Отелло» Шекспира – это драма, то есть текст, предназначенный для произнесения со сцены. Подчеркнем: к пьесам Шекспира это утверждение относится напрямую – сам драматург не публиковал своих произведений, а писал их для театральной труппы «Слуги лорда-камергера» (в более поздние годы – «Слуги короля»), пайщиком, драматургом и актером которой он являлся. «Перевод пьес – ... занятие специфическое и не каждому даже опытному переводчику художественной литературы по плечу,

оно требует знания и понимания театра, его «неписанных законов». Язык драматических произведений особый: персонажи в пьесах общаются на своеобразном «литературном просторечии», то есть, как бы имитируют живую разговорную речь, пользуясь при этом речью преимущественно литературной» [Модестов 2006: 190-191].

Полагаем, что частотное употребление междометий можно считать характерной особенностью устной речи, особенно, когда говорящий стремится выразить свои эмоции. Эмоциональный накал «Отелло» передается, в том числе, обилием междометий в тексте пьесы, хотя очевидно, что эмотивность выражена в тексте и другими лингвистическими средствами. Нами была предпринята попытка сравнения междометий в тексте оригинала пьесы и его перевода, выполненного М. Л. Лозинским. Анализ общего количества междометий показал, что имеются существенные различия в их использовании в тексте оригинала и его переводе на русский язык. Так, в тексте оригинала трагедии нами было отмечено 72 случая употребления первичных и 37 случаев употребления вторичных междометий, в то время как в тексте перевода нам встретились только 64 первичных и 11 вторичных междометий. Таким образом, в переводе произведения число междометий намного меньше, чем в оригинале (109:75), что, вероятно, связано с рядом факторов лингвистического характера (сложность в подборе эквивалентов некоторых английских междометий в русском языке), так и с проблемами экстралингвистического характера (возможное несопадением способов выражения эмоций в разных языках и лингвокультурах).

В результате анализа междометий по способам перевода были выявлены следующие виды их передачи на язык перевода: 1) Перевод с использованием междометий, схожих по форме в обоих языках, например: *O*, I have lost my reputation [2 акт] – *O*, я утратил мое доброе имя!; *O*, 'tis foul! – *O*, это гадко! *Ha-ha-ha!* – *Xa-xa-xa!* [4 акт]; *Ha!* – *Xa!* [5 акт]. Данный способ – самый очевидный и, безусловно, самый приемлемый, так как передает информацию иноязычного высказывания наиболее точно и адекватно. Однако в трагедии встречаются случаи

(3 контекста), когда схожие по форме междометия различаются в количественном отношении: *Ha-ha-ha!* – *Ха-ха-ха-ха!*[4 акт] ; *O! O! O!* – *O! O!* и *O!* – *O! O! O!* [5 акт], что, с нашей точки зрения, не обосновано, так как выражает разную степень эмоциональности. 2) Перевод при помощи словарных эквивалентов английских междометий в русском языке: *Pish!* – *Фу!* [2 акт]; *Foh!* – *Фу!* [3 акт]; *Ha!* Wherefore? – *A!* Почему?; *Alas, poor caitiff!* – *Увы,* бедняжка! [4 акт]; *Alas, who knows?* – *Ах,* кто же знает? [5 акт]. Это один из самых распространенных и релевантных способов перевода. В переводе М. Лозинского он используется в 21 случае. 3) Перевод путем замещения одного междометия другим, то есть субституции. Переводчик прибегает к субституции 12 раз: *O, would you had had her!* – *Ах,* зачем она не Ваша! [1 акт]; *O, fie upon them!* – *Тьфу,* мерзость! [4 акт]; *O, for a chair to bear him easily!* – *Ах,* где бы достать носилки... ; *O, here it is!* – *A!* вот он![5 акт]. Несмотря на наличие похожих по форме междометий в обоих языках, такой способ в большинстве случаев является очень эффективным, так как учитывает специфику использования междометий в конкретном контексте. Однако, по нашему мнению, использованное переводчиком в 5 акте междометие *O-o!* не точно передает значение английского междометия *Hum!*, выражающего сомнение, нерешительность и замешательство Отелло (*Desdemona: If you say so, I hope you will not kill me. – Hum!* – Раз ты так сказал, ведь ты же не убьешь меня. – *O-o!*) 4) Перевод с заменой восклицания, содержащего междометие, немеждометным, но эмоционально окрашенным восклицанием: *Damn her! O, damn her!* – *Прочь! Прочь подлюгу!*; *O, hardness to dissemble!* – *Как тяжело притворяться!* [3 акт]; Примеры применения этого способа немногочисленны, их всего 5, и в большинстве случаев это вполне обоснованный способ передачи чувств и эмоционального состояния героев трагедии. Однако в 5 акте междометие *Fie!*, выражающее отвращение, заменено переводчиком немеждометным восклицанием: *Стыд!* [5 акт], которое, как мы считаем, передает эмоцию Горацио не в достаточной степени (*Iago offers to stab his wife. Gratiano: Fie!* Your sword upon a woman? – Яго пытается заколоть Эмилию. Грациано: *Стыд!* На женщину с мечом!).

В ходе анализа были выявлены случаи, когда междометие в тексте перевода было опущено без применения приемов его компенсации в том же предложении: *Why, wherefore ask you this?* – К чему такой вопрос? [1 акт]; *O, but I fear!* – Но я боюсь! [2 акт]; *Alas, he is betrayed!* – Он оклеветан! Нельзя не заметить, что в подобных случаях теряется выражаемая междометиями эмоциональность высказывания или уменьшается ее степень. Хотя можно отметить, что есть случай, когда опущение междометия при переводе вызвано, прежде всего, желанием переводчика сохранить ритм (правда, при переводе на русский язык размер меняется): *O, falsely, falsely murder'd!* – Напрасное, напрасное убийство! [5 акт].

Встречается несколько случаев (6), когда в тексте перевода используются междометия, отсутствующие в оригинале: *Why do you weep?* – *O*, почему ты плачешь?; *I cry you gentle pardon!* – *O*, прошу прощенья! *The chair!* – *A!* Вот носилки! [4 акт]; *A guiltless death I die!* – *O*, я безвинной смертью умираю! [5 акт]. Следует отметить, что хотя считается, что данного способа перевода междометий чаще следует избегать, так как значение высказывания несколько искажается и может содержать информацию, которой нет в представленном отрывке текста оригинала, использование Лозинским данного способа способствовало приданию большей эмоциональности речи и тем самым оказало большее впечатление на реципиента. Кроме того, в этих случаях переводчик также стремится сохранить ритмический рисунок шекспировского текста.

Проанализировав междометия, встречающиеся в тексте оригинала и перевода пьесы У. Шекспира «Отелло», можно сделать следующие выводы: Отличие суммарного количества междометий в текстах оригинала и перевода может быть связано с отсутствием схожих форм междометий в двух языках, а также трудностью нахождения эквивалентов некоторых междометий в разных языках. Кроме того, можно предположить, что переводчик переносит «центр эмотивной тяжести» высказывания на его другие элементы. Очевидно, что формально наиболее приемлемыми способами перевода междометий являются перевод с использованием междометий, схожих по форме в обоих языках и перевод при помощи

словарных эквивалентов, так как они обеспечивают соответствующую передачу эмоциональной атмосферы текста. При этом важно помнить и о равном количественном соотношении редупликационных форм, так как они передают разную степень эмоциональности. Замещение междометий оригинала неэквивалентными междометиями в переводе вызвано, по-видимому, необходимостью учитывать специфику употребления некоторых междометий в определенном контексте. При отсутствии схожих форм и подходящих эквивалентов в разных языках переводчик прибегнул к различным приемам компенсации междометий, чтобы сохранить в переводе силу того эмоционального воздействия, на которое рассчитывал автор, создавая свое произведение. Той же цели послужили случаи перевода с опущением и добавлением междометий.

Известный советский переводчик В. И. Левик отмечал: «Точность перевода вообще не может быть мерилom его художественности», имея в виду, прежде всего, формальные соответствия двух текстов – оригинала и перевода [Левик 1959: 254-275]. Еще в ранних трудах одного из основоположников отечественной теории перевода А. Д. Швейцера формулировалась связь между коммуникативной интенцией автора (отправителя текста), выявления этой интенции переводчиком и его сознательная установка на получателя при создании перевода. На это же указывает В. С. Модестов, отмечая, что «в художественном переводе по-настоящему **творческое открытие часто подчиняется отбору** (*выделено автором*), а изобретательность – избирательности» [Модестов 2006: 444]. Думается, что сокращая количество междометий и осуществляя их трансформации в тексте перевода пьесы, М. Л. Лозинский сознательно и целенаправленно осуществлял отбор художественных средств передачи различных элементов текста, в том числе, его эмотивности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Левик В. В. О точности и верности // Мастерство перевода: сборник статей. – М.: Советский писатель, 1959. – Вып. 1. – С. 254-275.

- Модестов В. С. Художественный перевод: история, теория, практика – М.: Изд-во Литературного института им. А. М. Горького, 2006. – 463 с.
- Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. – 3-е изд. перераб. – М.: Флинта, Наука, 2003. – 320 с.
- Попович А. Проблемы художественного перевода. – Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 180 с.
- Сдобников В. В., Петрова О. В. Теория перевода – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 448 с.
- Шекспир У. Отелло: Макбет / пер. с англ. М. Лозинского. – СПб.: Азбука, 2000. – 309 с.
- Shakespeare W. Othello. – Ware: Wordsworth Editions, 1992. – 176 p.
- Hewitt K. Understanding English Literature. – Oxford-Nizhny Novgorod, 2007. – 297 p.

УДК 81'42

Уланович О. И.,
Змитракович С. В.

Минск, Беларусь

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ И
ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ
ЮМОРА В ПАРАДИГМЕ
КОМИЧЕСКОГО**

Аннотация. Рассматривая юмор в качестве базовой категории в парадигме комического, авторы определяют его семантические и эстетические границы и ключевые средства создания комического эффекта в кинодиалоге.

Ключевые слова: комическое, парадигма комического, юмор, остроты, ирония, сатира, сарказм, парадокс, алогизмы.

Сведения об авторах: Уланович Оксана Ивановна, кандидат психологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода.

Место работы: Белорусский государственный университет.
Змитракович Стефания Валерьевна, студентка 4 курса факультета социокультурных коммуникаций БГУ.

Контактная информация: 220030, Беларусь, г. Минск, пр. Независимости, д. 4.
e-mail: oksana.ulanovich@mail.ru

Код ВАК 10.02.01

Ulanovich O. I.,
Zmitrakovich S. V.

Minsk, Belarus

**SEMANTIC AND AESTHETIC
PARAMETERS OF HUMOR IN
THE FRAMEWORK OF
COMICALITY**

Abstract. Considering humor as a basic category in the framework of comicality the authors define its semantic and aesthetic features and key verbal means of creating a comic effect in the film dialogue.

Keywords: the comic, the paradigm of comic, humor, witticisms, irony, satire, sarcasm, paradox, alogisms.

About the Authors: Ulanovich Oksana Ivanovna, Candidate of Psychology, Associate Professor of the Chair of Theory and Practice of Translation.

Place of employment: Belarusian State University.
Zmitrakovich Stephaniya Valerievna, 4th year student of the BSU Social and Cultural Communications department.

Неизменный многолетний интерес фактически всех антропологических дисциплин к проблеме вербального комического парадоксальным образом сочетается с отсутствием его четкого понимания и категоризации видов в парадигме комического. Как в словарях, так и в научных трудах доминирует определение одного вида комического через другой: острота – интеллектуальная шутка с двойным дном; ирония – изящное лицемерие, завуалированная насмешка;

сарказм – злая ирония; сатира – бичующая, обличающая ирония и т.п. Подобный подход прижился и в англоязычных дефинициях: humor – the quality of being amusing or comic; sarcasm – a sharp and often satirical or ironic utterance; satire – the use of humor, irony, exaggeration, or ridicule to expose and criticize people's stupidity or vices; witticism – a cleverly witty and often biting or ironic remark. Неудивительно, что мы по-прежнему столь далеки от какого-либо даже намека на четкость определения эстетических и семантических границ видов комического. Однозначно одно – объединяющим в многообразии проявлений комического является *смех*, который, имеет разный характер и различную направленность в каждом из видов и жанров комического.

Основой предлагаемой нами парадигмы комического выступает отмеченный польским ученым Б. Дземидоком постулат: «классификация комического должна учитывать как степень сложности формы комического, так и меру заключенного в ней критицизма» [Дземидок 1974: 66]. Отсюда, беззлобный, добродушный, но не «беззубый» смех в формате эстетичных формулировок присущ *юмору*. *Острота* – изящный и эстетичный синтез любезности и колкости, лести и насмешки, смех, вовсе не обличающий и не уничижающий объект осмеяния, но апеллирующий к гибкости ума третьего участника ситуации остроты. *Ирония* – снисходительная насмешка над диссонансом реального и идеального, идейно-эмоциональная оценка и форма эстетических взаимоотношений ироника и объекта (действительности). *Сатира* – социально ценностная, насмешливо-поучающая, морализирующая и критикующая форма осмеяния. *Сарказм* – злобный, ликоущемляющий и уничижающий, никак не воспитательно-поучающий, но лично конфликтный смех с пафосом отрицания.

В представленной парадигме *юмор* – базовый вид комического, предшествующий в онтогенезе чувства юмора всем остальным и весьма позитивно характеризующий человека и общество в случае проявления юмора как типовой черты социальной коммуникации.

В. И. Карасик четко подмечает в функциональной значимости юмора его возможность быть удобным способом

«адаптации человека к меняющимся обстоятельствам», удачной реакцией на неожиданное (даже конфликтное) развитие событий, способом примирения с действительностью, причем «с переживанием положительных эмоций» [Карасик 2004: 87].

Определение эстетических и семантических границ юмора диктует важность акцентирования его важнейшего качества – легкость и изящество формулировок, имеющих целью не унижение собеседника, а завоевание его расположения или разрядку обстановки. Объект юмора, в отличие от сатиры, иронии и сарказма, выступая объектом смеха, не утрачивает при этом своей привлекательности. Юмор эстетичен как в плане вербального воплощения, так и в плане умеренной имплицитности: юмор не демонстрирует интеллектуальное превосходство, не бросает вызова эрудиции собеседника, привлекателен для всех участников шутки.

По мнению Ю. Борева, «подлинное чувство юмора всегда опирается на высокие эстетические идеалы»: отсутствие таковых трансформирует юмор в скепсис, цинизм, скабрёзность [Борев 2002: 56] – иные более критичные и категоричные виды комического.

Уникальность юмора и в том, что в отличие от других видов комического, в основе которых восприятие противоречий между истиной сущностью и формой выражения, фактом и мифом, реальным и идеальным, сводящее мнимо значимое к несущественному, юмор ориентирован на способность собеседника видеть значимое в неприглядном, выразительное в несовершенном. Так, если в *иронии* сквозит неявный, иносказательный антитезис за притворным одобрением, а *острота* как лестный отзыв / комплимент для адресата, в действительности оказывается колкостью адресанта и тестом на проницательность ума для третьего (созерцающего) участника акта остроумия, то юмор в действительности раскрывает значительность чего-то через шутливое его порицание, при этом смеющийся не дистанцируется от смеховой ситуации, а является ее частью:

Tim: *Mum, this is Mary.* – ‘Мам, это Мэри?’

Mum: *Oh, no. Good Lord, you're pretty.* – ‘О, Боже! Ты такая красавица!’

Mary: *Oh, no. It's just ... I've got a lot of mascara and lipstick on.* – ‘О, нет. Это просто... Много туши и... губная помада’.

Mum: *Let's have a look... Oh yes, good. It's very bad for a girl to be too pretty. It stops her developing a sense of humour.* – ‘Так. Посмотрим... Ну, ладно. Хорошо. Девушке вредно быть очень привлекательной. От этого у нее пропадает чувство юмора или индивидуальность’ (х/ф «Бойфренд из будущего»).

Эта дуальная природа юмора проявляется и в наши дни. Посредством юмора можно мягко и весьма корректно указать на недостатки, его цель – помочь собеседнику избавиться от них без укора или какого-либо намека на «потерю лица», т.е. юмор может выступать средством непрямого, косвенного влияния на собеседника. В приведенной ниже ситуации обсуждения собеседниками перспективы брака, наблюдается несовпадение позиций: мужской – неприятия брака и женской – корректного намека на иное «правильное» отношение к браку:

Jeff: *She wants me to marry her* – ‘Она хочет, чтобы я на ней женился’.

Stella: *That's normal* – ‘Ну так это нормально’.

Jeff: *I don't want to* – ‘Но я не хочу’.

Stella: *That's abnormal.* – ‘А вот это уже нет’ (х/ф «Окно во двор»).

Юмор обладает мирозерцательным характером, который не столь очевиден в сатире, иронии, сарказме. В юмористическом мирозерцании интегрируются наблюдательность, медиативность, умозрительность, некоторая пассивность (отсутствие динамики, ритма, темпа), некоторая романтичность и легкость:

– *Well, if you're not busy, would you like to join me?* – Составьте мне компанию, если Вы не очень заняты.

– *Busy? Honey, I haven't been busy since 1978* – Очень занят? Да я с семьдесят восьмого года совершенно свободен (х/ф «Отпуск по обмену»).

Важно заметить, что от других видов комического юмор отличается также и тем, что он сам по себе вполне самодостаточен и не требует неких внешних отражателей, «его

процесс осуществляется уже при наличии одного только человека; участие другого не прибавляет к нему ничего нового» [Фрейд 1995: 112].

Проанализировав 35 контекстных примеров, используемых персонажами в кинодиалогах англоязычных фильмов и отнесенных нами к категории юмора, мы можем утверждать о богатстве эстетической словесности юмора, воплощающемся в речевой манифестации юмора через стилистику *алогизма, каламбура, парадокса, авторских окказионализмов, фигур речи (антитеза, анафора, эпифора, хиазм, гротеск)*, а также *фигур мысли (риторическое обращение)* и т. д.

Юмор выступает одним из способов парадоксального восприятия действительности, что подразумевает способность видеть в окружающем мире явные и неявные противоречия и реагировать на них со смехом. Не случайно **алогизм** и **парадокс** выявлены нами как наиболее активные вербальные средства языкового воплощения юмора.

АЛОГИЗМ трактуется как художественный прием, использующий намеренное нарушение в речи логических связей с целью создания стилистического эффекта (комического):

Jane Smith: *If you don't like the curtains we can take them back* – ‘Если тебе не нравятся эти занавески, мы можем их вернуть’.

John Smith: *All right, I don't like them* – ‘Хорошо, мне не нравятся эти занавески’.

Jane Smith: *You'll get used to them.* – ‘Ты к ним привыкнешь’ (х/ф «Мистер и миссис Смит»).

Сопоставимость алогизма и **парадокса** (странное мнение, высказывание, противоречащее (иногда только на первый взгляд) здравому смыслу) объясняет некоторую субъективность в их дифференциации. Так или иначе, ситуации комического, демонстрирующие по нашему убеждению **парадокс**, являются классическими образцами беззлойной, легкой веселости:

Manny: *Must you drink so much?* – ‘Тебе обязательно пить столько вина?’.

Bernard: *How else we will get candles in empty wine bottles? There's two for you, get stuck in* – ‘Конечно! А как еще мы поставим свечи в пустые винные бутылки? На вот

парочку, поднапрягись!» (х/ф «Книжная лавка Блека»).

Не менее распространенным средством формирования комического эффекта является **каламбур** – разновидность языковой игры на основе нарочитой двусмысленности семантики лексем, двуплановой семантической проекции в высказывании. В следующем примере основу шутки формирует семантическая двуплановость глагола «to find»: 1) *to find* – ‘иметь мнение, оценивать’ и 2) *to find* – ‘находить / отыскивать / обнаруживать’ (прямое значение):

Lionel Shahbandar: *So, how do you find London?* – ‘Ну, и как Вы находите Лондон?’.

PJ Puznowski: *Well, everybody knows the answer to that one. You turn right at Greenland.* – ‘Ага, на этот вопрос все знают ответ. **Просто поворачивайте направо от Гренландии**’ (х/ф «Гамбит»).

В следующем примере улыбку вызывает тонкое замечание о вкусовых предпочтениях говорящего, что вербально воплощается с помощью **хиазма** – крестообразного изменения последовательности элементов:

Jimmy Tree: *I slipped a bit of gin and tonic into the herbal tea. Interested, Mr. Ballinger?* – ‘Я плесну немного джина с тоником в травяной чай?’.

Fred Ballinger: *No, thanks. I'd prefer a bit of herbal tea slipped into a gin and tonic.* – ‘Не нужно, спасибо. **Я бы предпочел, чтобы в джин с тоником плеснули травяного чаю**’ (х/ф «Молодость»).

Стилистический анализ экспериментального корпуса позволил обнаружить, что часто сценаристы обращаются к интегративному использованию фигур речи для создания комического эффекта в персонажной речи киногероев: *синтаксическому параллелизму, анафорическому повтору, восходящей градации, амплификации* («нанизывание» синонимических определений, сравнений) и т.д. В следующем юмористическом диалоге смех вызывает полярность женского и мужского мнений касательно брака, что вербально задается интегративным использованием **параллелизма** и **антитезы** (‘to find’ – ‘to lose’) и переводит потенциальную размолвку в разряд неконфликтной шутки:

Stella: *Maybe one day she'll find her happiness* – ‘Возможно, когда-нибудь **она** **найдет** **свое** **счастье**’.

Jeff: *Yeah, some man'll lose it* – ‘Да, ну а **какой-то** **мужик** **его** **потеряет**’ (х/ф «Окно во двор»).

В следующем юмористическом диалоге комизм ситуации задается использованием наряду с *синтаксическим параллелизмом* и *анафорой авторского окказионализма* – аграмматизма: формы сравнительной степени ‘gooder’ – ‘**хорошее**’:

Bernard: *Old wine is good wine* – ‘Старое вино – хорошее вино’.

Manny: *Ah, but expensive wine is good wine* – ‘О, но хорошее вино – это дорогое вино’.

Bernard: *Ah, but the older it is, the better it is* – ‘О, однако чем оно старше – тем лучше’.

Manny: *Yes, but the more expensive it is, the gooder it is* – ‘**Это да, но чем оно дороже – тем хорошее**’ (х/ф «Книжная лавка Блэка»).

Можно заключить, что выделить какое-либо доминирующее средство при создании юмора затруднительно в силу органичного взаимодействия лексико-семантических, грамматико-синтаксических и фоностилистических средств в ситуациях безобидной, добродушной и легкой насмешки. Тем не менее, относительное (но не абсолютное) доминирование *парадокса* и *алогизма* позволяет говорить о юморе как о способе парадоксального восприятия и видения мира.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Борев Ю. Б. Эстетика: учебник. – М.: Высшая школа, 2002. – 511 с.

Дземидок Б. О комическом: пер. с польского. – М.: Прогресс» 1974. – 224 с.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2004. – 390 с.

Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному // Художник и фантазирование: сб. ст.: перев. с англ. – М.: Республика, 1995. – С. 20-128.

УДК 82.0:81''8

Чеклецова Е. И.

Екатеринбург, Россия

**СТИЛИСТИЧЕСКИЕ
ПРИЕМЫ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ
В РЕЧИ БОЛЬНЫХ
ДЕПРЕССИЕЙ
ПЕРСОНАЖЕЙ НЕКОТОРЫХ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ**

Аннотация. Данная работа посвящена отражению депрессии, как диагноза, в современной художественной литературе.

Ключевые слова: депрессия, стилистические приемы, эвфемизмы, аллюзии, художественная литература.

Сведения об авторе: Чеклецова Екатерина Ильинична, преподаватель, УГИ. Место работы: Уральский Федеральный Университет.

Контактная информация: 620026, г. Екатеринбург, Куйбышева 48, к. 511.
e-mail: Che_106@mail.ru.

Kod BAK 10.02.01

Chekletsova E. I.

Ekaterinburg, Russia

**STILISTIC DEVICES THAT
ARE USED IN SPEECH OF
SUFFERING FROM
DEPRESSION FICTIONAL
CHARACTERS**

Abstract. The article is dedicated to the concept “depression” as a disease in modern fictional literature.

Keywords: depression, stylistic devices, euphemisms, allusions, fiction.

About the Author: Chekletsova Ekaterina Ilyinichna, teacher, Ural Humanitarian Institute.

Place of employment: Ural Federal University.

Согласно данным Всемирной Организации Здравоохранения, на данный момент времени, депрессия является самым распространенным психическим заболеванием, от которого страдают более трехсот миллионов человек.

Депрессия – это болезнь, характеризующаяся подавленным состоянием, апатией, снижением активности. Часто сопровождается пониженной самооценкой, чувством вины, расстройствами сна и аппетита. В наиболее тяжелых случаях может привести к суициду. По данным ВОЗ, не смотря на распространенность заболевания, менее половины больных получают необходимую помощь. Возможно, это связано с тем, что большинство людей не воспринимают этот диагноз как реальный. Мрачное настроение пациента вызывает недоумение или раздражение, кажется ситуационным или просто проявлением капризов. Кроме того, для многих, поход к

психиатру равен личному оскорблению. В связи со всем этим, появление книг, а, в особенности, литературы для подростков, посвященных данной теме, можно встретить только с благодарностью.

Описание заболевания или героев, ему подверженных, можно найти в различных произведениях мировой литературы. А, поскольку сам диагноз, с течением времени, превратился из романтической меланхолии, которой модно было страдать в определенные исторические периоды, в действительно серьезную и весьма распространенную болезнь, авторы перестали вуалировать его словами «печаль» или «уныние» и перешли к конкретной медицинской терминологии. Например, вот так дается описание взгляда Печорина из романа «Герой нашего времени»: *«...карие глаза <...> Во-первых, они не смеялись, когда он смеялся! Вам не случилось замечать такой странности у некоторых людей?.. Это признак – или злого нрава, или глубокой постоянной грусти. Из-за полуопущенных ресниц они сияли каким-то фосфорическим блеском, если можно так выразиться. То не было отражение жара душевного или играющего воображения: то был блеск, подобный блеску гладкой стали, ослепительный, но холодный»* - описание загадочного и привлекательного молодого человека, а никак не психически нездорового.

Кроме того, стоит отметить, что многие писатели, затрагивающие эту тему, сами страдали или страдают от депрессии, повествование становится более личным, а описания более детальными.

Многие книги, посвященные депрессии, написаны от первого лица, в виде монологов или дневниковых записей. К таким относятся, например, “Eat, pray, love” Элизабет Гилберт, “A tale for the time being” Рут Озеки и “It’s kind of a funny story” Неда Виззини.

Подробно рассмотрим небольшой отрывок из книги Рут Озеки «A Tale for the time being», в русском переводе – «Моя рыба будет жить».

So right now, I’m a **ronin**, (аллюзия на японскую культуру и историю, ронины – самураи, по какой-либо причине, предавшие или потерявшие хозяина, что являлось величайшим

позором и то, что юная девушка сравнивает себя с ними, может характеризовать ее как одинокую и потерянную, но, в то же время, романтическую натуру, поскольку сравнивает она себя с обесчещенным воином, а не, например, с бродягой) which is an old word for a samurai warrior who doesn't have a master. Back in feudal times, samurai warriors had to have lords or masters. The whole point of being a samurai was to serve a master, and when your master got killed or committed **seppuku** (слово, используемое для обозначения ритуального самоубийства, в данном случае, может быть расценено, как частный случай эвфемизма, т.к., не смотря на то, что действие является сакральным и, в какой-то степени, благородным, суть его остается прежней, а, из произведения известно, что главная героиня собирается покончить с собой) or lost his castles in a war or something, that was it. **Snap!** (Ономатопея, характерная больше для разговорной речи, в данном, псевдо-дневниковом отрывке, служит для создания атмосферы реального разговора, беседы Нао с неизвестным читателем) Your **raison d'être** (заимствование из французского языка, обозначающие смысл жизни; использовано, с одной стороны, для того, чтобы украсить речь, с другой, может рассматриваться как символичное, так как героиня пишет свой дневник, находясь, в стилизованном, под французский будуар, кафе, и в блокноте, обложка к которому была взята со старой французской книги) was gone, and you had to become a ronin and wander around having sword fights and getting into trouble. These ronin were scary **dudes** (слэнг, характерный для устной речи подростков), kind of **like what the homeless guys living under tarps in Ueno Park might turn into if you gave them really sharp swords.** (сравнение настоящего времени и феодальной Японии, несущее в себе оттенки иронии и мрачного юмора).

Obviously I'm not a **samurai warrior**, (перенос значения) and nowadays ronin just means a **dummy who screws up** (слэнг) her entrance exams and has to take extra classes at cram school and study at home while she works up enough enthusiasm and self-confidence to take the test again. Usually ronin have graduated from high school and are living with their parents while they try to get into university. It's pretty unusual to be a junior high school ronin like

me, but I'm old for my grade, and actually now that I'm sixteen, I don't have to go to school if I don't want to. That's what the law says, anyways.

Рассматривая более короткие отрывки, стоит отметить персонализацию заболевания и пациента, то, кем себя считает герой и как характеризует свое состояние. Здесь, чаще встречаются метафоры или сравнения, направленные на то, чтобы читатель максимально понял, в каком состоянии находится главный герой и что конкретно он хочет сказать своему собеседнику. В этих же отрывках распространены эпитеты, дающие полное описание депрессии, как диагноза; большинство сравнений гиперболизированы, чтобы показать тяжесть заболевания:

- He's right **about the getting-sick or getting-shot part**, though. I'm **pretty healthy and I don't mind the idea of dying**, but I also don't want to get mowed down by some freaky high school kid in a trench coat who's high on Zoloft and has traded in his Xbox for a semiautomatic. (A Tale for the time being)

- This loss upon loss has left me **feeling sad and brittle and about seven thousand years old**. (Eat, pray, love)

- Instead, as my twenties had come to a close, that deadline of THIRTY had loomed over me **like a death**

- **sentence**, and I discovered that I did not want to be pregnant. (Eat, pray, love)

- He'd already been watching me fall apart for months now, watching me behave **like a madwoman** (we both agreed on that word), and I only exhausted him. We both knew there was **something wrong with me**, and he'd been losing patience with it. We'd been fighting and crying, and we were weary in that way that only a couple whose marriage is collapsing can be weary. **We had the eyes of refugees**. (Eat, pray, love)

- I just wanted to **slip quietly out the back door**, without causing any fuss or consequences, **and then not stop running until I reached Greenland**. (Eat, pray, love)

- I wince now to think of what I imposed on David during those months we lived together, right after 9/11 and my separation from my husband.

- Imagine his surprise to discover that the happiest, most confident woman he'd ever met was actually—when you got her alone—a **murky hole of bottomless grief**. (Eat, pray, love)

- I came to fear **nighttime like it was a torturer's cellar**. I would lie there beside David's beautiful, inaccessible sleeping body and I would **spin into a panic of loneliness and meticulously detailed suicidal thoughts**. (Eat, pray, love)

- Every **part of my body pained me**. I felt like I was **some kind of primitive springloaded machine**, placed under far more tension than it had ever been built to sustain, about to blast apart at great danger to anyone standing nearby. **I imagined my body parts flying off my torso in order to escape the volcanic core of unhappiness that had become: me**. (Eat, pray, love)

- I saw the apartment almost as a **sanatorium, a hospice clinic for my own recovery**. I painted the walls in the warmest colors I could find and **bought myself flowers every week, as if I were visiting myself in the hospital**. (Eat, pray, love)

- I'd been missing both during these last hard years, because both pleasure and devotion require a stress-free space in which to flourish and I'd **been living in a giant trash compactor of nonstop anxiety**. (Eat, pray, love)

- "I didn't want to wake up. I was having a much better time asleep. And that's really sad. It was **almost like a reverse nightmare**, like when you wake up from a nightmare you're so relieved. **I woke up into a nightmare**." (It's a kind of a funny story)

- **Tentacles** is my term – the **Tentacles are the evil tasks that invade my life**. (It's a kind of a funny story)

- The **opposite of the Tentacles are the Anchors**. The Anchors are things that occupy my mind and make me feel good temporarily. (It's a kind of a funny story)

- I took my Zoloft every day. Some days I woke up and got out of bed and brushed my teeth like any normal human being; **some days I woke up and lay in bed and looked at the ceiling and wondered what the hell the point was of getting out of bed and brushing my teeth like any normal human being**. (It's a kind of a funny story)

- **I want to live but I want to die**. What do I do? (It's a kind of a funny story)

Представляют интерес приемы, которые авторы используют для выражения понятия «суицид». Например, эвфемизмы, вуалирующие реальный термин и несколько смягчающие и, в каком-то смысле, романтизирующие его значение:

- Actually, it doesn't matter very much, because by the time you read this, **everything will be different**, and you will be nowhere in particular, flipping idly through the pages of this book, **which happens to be the diary of my last days on earth**, wondering if you should keep on reading. (A Tale for the time being)

- Sometimes I wonder if he wants me to be safe so he'll feel less guilty **when he finally succeeds**. (A Tale for the time being)

- I think it's important to have clearly defined goals in life, don't you? **Especially if you don't have a lot of life left**. Because if you don't have clear goals, **you might run out of time, and when the day comes, you'll find yourself standing on the parapet of a tall building, or sitting on your bed with a bottle of pills in your hand, thinking**. Shit! I blew it. If only I'd set clearer goals for myself! (A Tale for the time being)

- The truth is that **very soon I'm going to graduate from time**, or maybe I shouldn't say graduate because that makes it sound as if I've actually met my goals and deserve to move on, when the fact is that I just turned sixteen and I've accomplished nothing at all. Zilch. Nada. Do I sound pathetic? I don't mean to. I just want to be accurate. Maybe instead of graduate, I should say **I'm going to drop out of time. Drop out. Time out. Exit my existence. I'm counting the moments**. (A Tale for the time being)

В некоторых отрывках, наоборот, используются слова, напрямую раскрывающие термины:

- America is fast and sexy and dangerous and thrilling, and you can easily get burned, but Canada is safe, and my dad really wants me to be safe, **which makes him sound like a pretty typical dad, which he would be if he had a job and didn't keep trying to kill himself all the time**. (A Tale for the time being)

- Timing is everything. Somewhere I read that **men born between April and June are more likely to commit suicide** than men born at other times of the year. **My dad was born in May, so maybe that explains it. Not that he's succeeded in killing himself yet. He hasn't. But he's still trying.** It's just a matter of time. (A Tale for the time being)

- **It's so hard to talk when you want to kill yourself.** That's above and beyond everything else, and it's not a mental complaint – **it's a physical thing**, like it's physically hard to open your mouth and make the words come out. They don't come out smooth and in conjunction with your brain the way normal people's words do; they come out in chunks as if from a crushed-ice dispenser; you stumble on them as they gather behind your lower lip. So you just keep quiet. (It's a kind of a funny story)

- I look at myself in the bathroom light. Yes, I'm okay. I'm okay because I have a plan and a solution: **I'm going to kill myself.** (It's a kind of a funny story)

Периодически встречается игра слов, направленная на усугубление ситуации и на подчеркивание состояния персонажа.

- So I don't mind this at all. I kind of like it because I know I can always get a table here at **Fifi's Lovely Apron**, and the music is okay, and the maids know me now and usually leave me alone. Maybe it should be called **Fifi's Lonely Apron**. Hey, that's good! I like that! (A Tale for the time being)

- The way you **write ronin is with the character for wave** and the character for person, which is pretty much how I feel, like a little wave person, floating around on the stormy sea of life. (A Tale for the time being)

Частотны повторения, служащие для нагнетания обстановки и указывающие на зацикленность мыслей героев:

- This was my moment to look for the kind of healing and peace that can only come from **solitude**. I walk up the stairs to my fourth-floor apartment, **all alone**. I let myself into my tiny little

studio, **all alone**. I shut the door behind me. Another **solitary** bedtime in Rome. Another long night's sleep ahead of me, **with nobody and nothing in my bed except** a pile of Italian phrasebooks and dictionaries.

I am alone, I am all alone, I am completely alone. Grasping this reality, I let go of my bag, drop to my knees and press my forehead against the floor. There, I offer up to the universe a fervent prayer of thanks. (Eat, pray, love)

- I was hiding in the bathroom for something like the forty-seventh consecutive night, and—just as during all those nights before – **I was sobbing. Sobbing so hard**, in fact, that a great lake of tears and snot was spreading before me on the bathroom tiles, a veritable Lake Inferior (if you will) of all my shame and fear and confusion and grief. (Eat, pray, love)

Поскольку рассматриваемые произведения написаны в форме дневниковых заметок, авторам приходилось использовать признаки разговорной речи и, адаптировать ее под возраст и социальный статус говорящего. Так, в повествовании взрослой и состоявшейся женщины Лиз из книги «Eat, pray, love» содержится больше риторических вопросов, тогда как в речи подростков Нао и Крэйга встречается больше звукоподражания или сниженной лексики.

- We'd only just bought this house a year ago. **Hadn't I wanted this nice house? Hadn't I loved it? So why was I haunting its halls every night now, howling like Medea?** (Eat, pray, love)

- And apart from me, **who else would care?** I mean, if I thought the world would want to know about old Jiko, I'd post her stories on a blog, but actually I stopped doing that a while ago. It made me sad when I caught myself pretending that everybody out there in cyberspace cared about what I thought, when **really nobody gives a shit.**

Just kidding. Again

Or not. I don't know. Maybe by the time I've written the last page, I'll be too embarrassed or ashamed to leave it lying around, and **I'll wimp out and** destroy it instead.

Hey, if you're not reading this, you'll know **I'm a wimp!**
Ha-ha. (A Tale for the time being)

- “You all right, man?”

This should be my name. I could be like a superhero: You All Right Man.

“Ah...” I stumble.

“Don't bug Craig,” Ronny is like. “He's in the Craig zone. **He's Craig-ing out.**”

“Yeah.” I move the muscles that make me smile. “**I'm just. . . kinda . . . you know ..**” (It's a kind of a funny story)

- Her office has a bookshelf, like **all shrinks' offices**. I used to not want to call them *shrinks*, but now that I've been through so many, I feel entitled to it. It's an adult term, and it's disrespectful, and I'm more than two thirds adult and I'm pretty disrespectful, **so what the hell**.

“I'm fine. Well, I'm not fine – I'm here.” (It's a kind of a funny story)

- **So why am I depressed?** That's the million-dollar question, **baby, the Tootsie Roll question; not even the owl knows the answer to that one**. I don't know either. All I know is the chronology. (It's a kind of a funny story)

- So when I ran out of the final bottle of Zoloft, I didn't take any more. I didn't call Dr. Barney either. I just threw the bottle away and said *Okay, if I ever feel bad again, I'll remember how good I felt that night on the Brooklyn Bridge*. Pills **were for wimps**, and this was over; I was done; I was back to me. (It's a kind of a funny story)

- I get out of bed, glance at the clock. It's 5:07. I don't know how I got through the night. My heart radiates **badoom**, so I stand and shuffle into the living room and pick a book off my parents' shelf. (It's a kind of a funny story)

- When I went back to my parents, I told them: “I think I might be, **y'know**, depressed.” (It's a kind of a funny story)

Подводя итог, можно отметить, что в связи с распространением заболевания, данная тема становится все более популярной. Современная литература перестала маскировать и романтизировать симптомы а, наконец, признала,

что депрессия – это серьезное психическое заболевание. Ее больше не описывают как что-то красивое и достойное восхищения, наоборот, она изображена в мрачных тонах, часто преувеличена, чтобы показать, что даже небольшие проблемы могут привести к серьезным последствиям. Герои дают практические советы как распознать болезнь и как справляться с диагнозом, как вести себя близким людям, а также учат, что нужно обращаться за помощью даже если ситуация кажется безвыходной. Отдельно стоит сказать, что рассмотренные для данной статьи книги имеют хороший конец, что также может позитивно повлиять на читателей, подверженных депрессии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Gilbert E. Eat, pray, love. – NY.: Penguin group, 2006. – 352 p.

Ozeki R. A tale for the time being. – NY.: Penguin group, 2013. – 432 p.

Vizzini N. It's kind of a funny story. – NY.: Hyperion paperbacks, 2010. – 194 p.

Сайт Всемирной Организации Здравоохранения. – Режим доступа: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs369/ru/> (дата обращения: 10.01.18).

ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ УрГПУ основан в 1937 году. Является ведущим образовательным учреждением в области преподавания иностранных языков и повышения квалификации преподавателей вузов и учителей в Уральском регионе, а также готовит специалистов в сфере устного и письменного перевода. Лицензирован и аккредитован. Имеет давние и прочные связи с зарубежными образовательными учреждениями и центрами, многолетние традиции научного и культурного обмена с Германией, Австрией, Францией, Великобританией и США; тесно сотрудничает с факультетами иностранных языков и кафедрами С.-Петербурга, Москвы, Н.Новгорода, Н. Тагила и др. городов РФ. Имеет высокий рейтинг в научном мире.

В состав ИИЯ входят **6 специализированных кафедр**:

- английского языка, перевода и методики преподавания
- английской филологии и сравнительного языкознания,
- немецкой филологии,
- романских языков,
- профессионально-ориентированного языкового образования,

а также:

- 5 ресурсных языковых центра (языковое образование, немецкий, французский, испанский, австрийский),
- магистратура,
- аспирантура, докторантура,
- центр дополнительного образования,
- подготовительные курсы (уровень ЕГЭ).

Научные школы

Научные исследования в институте проводятся в рамках комплексных тем: **"Типологические аспекты функционирования и эволюции языков"**, **«Оптимальные технологии обучения иностранным языкам в системе профессионального образования»**. Исследования проводятся в двух направлениях: 1) сопоставительное языкознание; 2) теория и методика обучения ИЯ.

Оба направления соответствуют профилю подготовки бакалавров, магистров. Результаты исследований реализуются в учебном процессе УрГПУ, вузов Свердловской области и Уральского региона.

К настоящему моменту сформировались несколько научных школ института:

- профессора Н.В.Пестовой - "Сопоставительная лингвистическая поэтика"
- профессора Н.Н.Сергеевой - "Методика обучения иностранным языкам в системе профессионального образования"
- профессора Е.В.Шустровой - «Когнитивная лингвистика»

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Актуальные проблемы германистики, романистики, русистики»
ПРОВОДИТСЯ ЕЖЕГОДНО В ПЕРВЫЕ ПЯТНИЦУ-СУББОТУ ФЕВРАЛЯ

Материалы журнала регулярно размещаются на платформе
Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

<http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=50812>

Мы всегда рады видеть Вас среди участников!

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕРМАНИСТИКИ,
РОМАНИСТИКИ И РУСИСТИКИ**

МАТЕРИАЛЫ
ежегодной международной научной конференции
2 февраля 2018 года
г. Екатеринбург, Россия

Оригинал-макет И.А. Николаева

Подписано в печать 24.04.2018. Формат 60x84/16.
Бумага для множ. аппаратов. Печать на ризографе.
Усл. печ. л. 6,6. Уч.-изд. л. 5,2. Тираж 500 экз.
www.uspu.ru

Отпечатано в ГУП СО «Режевская типография»
623750 г. Реж Свердловской обл.,
ул. Красноармейская, 22. Тел. (34364) 2-25-03
Заказ № 2018 г.